

Евгений Шалашов

СЛОВО НАЕМНИКА

Он победил целую армию, отстоял город
и нажил множество врагов.
Его предали люди, за жизни которых он сражался.
Потом он стал каторжником.
А еще чуть позже его объявили беглым каторжником.
Хотя кое-кто до сих пор считает его лучшим наемником
этого мира, «псом войны» Артаксом.
Или — Юджином-Эндрю д'Арто, принцем крови
и наследником королевского рода.
Он умеет убивать и выживать,
умеет сражаться сам и заставит воевать других.
Не умеет он только одного —
нарушать однажды
данное слово.

**Он убежал с каторги
Но обещал вернуться...**

ПОРТАЛ

Хлеб наемника

Евгений Шалашов

Слово наемника

«автор»

2013

Шалашов Е. В.

Слово наемника / Е. В. Шалашов — «автор», 2013 — (Хлеб наемника)

Он победил целую армию, отстоял город и нажил множество врагов. Его предали люди, за жизни которых он сражался. Потом он стал каторжником. А еще чуть позже его объявили беглым каторжником. Хотя кое-кто до сих пор считает его лучшим наемником этого мира, «псом войны» Артаксом. Или – Юджином-Эндрю д'Арто, принцем крови и наследником королевского рода. Он умеет убивать и выживать, умеет сражаться сам и заставит воевать других. Не умеет он только одного – нарушать однажды данное слово.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	30
Глава четвертая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Шалашов

Слово наемника

Часть первая

Происки и прииски...

Глава первая

Чужие происки

Очнулся я от боли в спине – в позвоночник упиралось что-то острое. Гвоздь? Откуда? Поерзал, пытаюсь сдвинуться, но тщетно. Руки и ноги не шевелились. Скованы, что ли? Так и есть – цепи. Поднял глаза и узрел небо – синее, с облачками и ... отгороженное решеткой. Скосил глаза вправо, влево... Лес, камни и скалы ... решетки. В общем, клетка. А еще, я куда-то двигался. Не иначе – тюрьма на колесах! От ужаса забыл о боли, но вспомнил ругательства, заученные за долгие годы.

Легче не стало. В носшибанул запах камеры, где справляют естественные нужды там же, где спят и едят. Хотя, вроде бы, в клетке должно продувать, ан, нет, воняет.

Как я сюда попал? Кажется, повторяется то, что было недавно... Тьфу, пакость. В ушах пробки, в глазах туман. Так худо мне было два раза в жизни: первый, когда без меры перепил шнапса с пивом и чуть не умер, а второй – когда подпустил к себе верхового с моргенштерном.

Стоп! Коль скоро, помню про выпивку, про удар, не все потеряно. Что там говорил медик, пользовавший меня в бараке?

Барак был вонючим, медикуса звали мэтр Скидан. Да, мэтр Скидан, лысый и толстый. Что там было-то? Кажется, когда я пришел в себя, мэтр спрашивал мое имя. Ну, с этого и начнем.

Так, по порядку. Я граф Юджин-Эндрю-Базиль д'Арто? Или – наемник Артакс? Что я в прошлый раз вспоминал? Когда перепил, был еще графом. А когда получил по башке (шлем, хоть и помялся, но выдержал) был Артаксом. Значит, все-таки, Артакс. Последнее что запомнилось – тюремная камера в подвале. Да, подвал под городской ратушей города Ульбурга. А что я там делал? В подвале – понятно, сидел, а в город-то меня зачем понесло? Что-то там защищал, оборонял? Вспомнил! Теперь все встало на свои места. Двадцать лет назад я был графом Юджином д'Арто, вечным студентом (ну, бакалавром, какая разница?). Юджин – пьяница и дебошир, головная боль самой знатной семьи объединенного королевства Фризландии, Моравии и Полонии. Двадцать лет назад позор генеалогического древа был отправлен отцом на перевоспитание в лагерь наемников. Перевоспитание оказалось настолько успешным, что вместо юного графа появился Артакс, «пёс войны». Пять лет службы в полку тяжелой пехоты короля Рудольфа (кстати, родного брата моего отца!), а потом пятнадцать лет под разными знаменами. Я получал за службу раны и хорошие деньги, унижения и награды. Недавно я был комендантом города Ульбурга и спасал его от герцога Фалькенштайна. Организовывал оборону, отбил несколько штурмов (ну, не сам, разумеется, но так принято говорить – мол, полководец разбил, разгромил и так далее...), а потом заманил войско герцога в подземелье и затопил его водой. Опять-таки, не самолично, а с помощью старичков-горняков, старых каторжников, пробивших штрек и больного чахоткой парня, по имени Кястас, указавшего дорогу.

Спас. И отблагодарил меня город Ульбург по-королевски. Тюремной камерой. Первый бургомистр, герр Лабстерман, никак не ожидал, что неизвестный наемник (ему, по крайней мере, неизвестный) сумеет спасти город, нарушив его планы. А планы были грандиозные – сдать Ульбург герцогу, получив за это титул бургграфа для своего зятя. Подвал под магистратом, «душевный» разговор с первым бургомистром, а потом – провал. Видимо, в воду добавили какую-то дрянь. Герр Лабстерман не рискнул оставить меня в Ульбурге даже на положении арестанта.

В камеру я попал благодаря предательству. Ута Лайнс, хозяйка гостиницы, почтенная вдова, мечтавшая выйти за меня замуж, по наущению бургомистра, подсыпала снотворное в квас – мой любимый напиток. Обижаться на фрау Уту, мечтать о мести? Глупо. Сколько раз уверял себя, что женщинам верить нельзя, но попался, как последний дурак. Верить в этом мире можно только мечу и коню.

При мысли о коне, меня словно обдало жаром. «Гневко... Где он теперь? Жив ли» Вспомнив, что гнедой успел ускакать, слегка успокоился. Мой конь – малый не промах. Так просто ни убить, ни сожрать он себя не даст.

Утешило, что лежу одетым. В подвале на мне были только подштанники и нижняя рубаша – как захватили, так и притащили. А тут и штаны и куртка. О, даже башмаки! Спасибо, герр Лабстерман, век твоей доброты не забуду, сволочь старая...

– Очухался, ублюдок? – раздался голос. Вроде бы – знакомый.

Я слегка повернул голову, чтобы рассмотреть говорившего. А, так это старшина гильдии кузнецов. Как там его – Эдгард? Нет, Эрхард. От холеного красавца, с черной, как ласточкино крыло, бородой, мало что осталось – всколоченный и наполовину седой оборванец. Но, в отличие от меня, он не был закован, а просто сидел на корточках, держась за перекладину.

В клетке, кроме нас с кузнецом, сидело и лежало еще человек семь. Но они были свободными. В смысле – свободными от цепей.

– Куда нас везут? – спросил я.

– На кудыкину гору, – злобно оскалился кузнец.

– Тебя-то за что? – поинтересовался я, пытаюсь выразить сочувствие.

У старшины кузнецов не было причины любить меня. Напротив. Судя по всему, ему хотелось отплатить мне за унижение, пережитое по моей милости... Сам виноват. Зачем было называть меня «грязным наемником», да еще на заседании городского Совета?

Желательно бы наладить со старшиной хорошие отношения, потому что со скованными руками и ногами особо не подерешься. Вот только, Эрхард, скотина, становится мне другом не хотел.

– А ты, вонючка, еще спрашиваешь? Помнишь, как я за тебя вступился, а? Сказал, что наемник своих денег стоит? Сказал! А ты что сотворил? Меня же при всех избил и бургомистру сказал, что я на его место целюсь. Меня, тварь, из-за тебя, сюда сунули!

– Ты что, спятил? – удивился я. Бить я его – точно не бил. Всего лишь придушил на его же гильдейской цепи и потребовал извинений.

– Кто спятил? Я?! – вызверился Эрхард. – Ах ты ...

Старшина гильдии (теперь, надо полагать, бывший) резво подпрыгнул, подскочил ближе и принялся с наслаждением избивать меня ногами, норовя попасть в лицо. В своем положении я не мог не то, что сопротивляться, но даже закрыться от ударов.

Уже потом, задним числом я вспоминал, что мне хотелось умереть. Нет, не от боли, а от унижения. Но не умер, а потерял сознание.

Я очнулся. Из-за крови, залившей глаза и уже засохшей, видеть ничего не мог, но услышал, как кто-то громко сказал:

– Это еще что такое? Кто его так?

– А ты куда смотрел? – вмешался начальственный баритон. – Если не довезем, сам в клеть полезешь.

Мои «одноклеточники» молчали. Впрочем, они молчали и раньше. Никто не пытался ни защитить, ни даже просто сказать, что лежащего и связанного бить нельзя.

– Н-ну, каторжные крысы, кто его бил? Не скажете? Ладно... Сам узнаю. А как узнаю, кто товар портит, раком поставлю и поймею, как портовую шлюху! – с угрозой в голосе пообещал баритон.

Я почувствовал, как оковы отцепляют, а меня вытаскивают из клетки, волокут, как мешок с тряпьем, бросают на землю и льют воду.

Холодная вода принесла толику облегчения, смыла солёный привкус крови с губ.

С трудом разлепил один глаз, прищурился и разглядел несколько людей в одинаковых кожаных куртках, добротных суконных штанах и высоких сапогах. Так могли одеваться егеря, лесничие, приказчики и охотники – те, кто вынужден подолгу находиться в дороге или на свежем воздухе. Вооружены тоже однообразно – длинные ножи, напоминающие короткие тесаки и дубинки. Опять же, такое оружие могли иметь и купцы и тюремщики.

– Ишь, шевелится, – обрадовался один из охранников.

– Помрет? Или довезем? – деловито поинтересовался другой.

– А хрен его знает, – философски ответил первый. – Либо – помрет, либо – довезем!

– Надо довести, – отрезал тот, с начальственным баритоном. – За него сто талеров заплачено. Не довезем, управитель с нас же их вычтет. У тебя лишние деньги есть? То-то... Хоть труп, хоть живого, а довести надо. Лучше пусть в руднике подохнет.

– Да ладно, бригадир, не впервой, – успокоительно прозвучал еще один голос, обладателя которого я не рассматривал. – Ну, в крайнем случае, поймает кого.

– Поймаем... Где тут ловить? – фыркнул бригадир. – Не прежние времена... Мужичье, как клетки увидят, сразу деру дают.

Я глубоко вздохнул, пытаюсь понять, насколько мне плохо. Резкой боли не было. Уже хорошо. Значит, сломанных ребер нет. Но избитое тело ныло, а зубов выплюнул штуки две (или три, если с обломками?).

– Капитан, – прохрипел я, повышая бригадира охраны до военного чина. – Может, снимете цепи? Худо мне совсем...

– Цепи снять? Нет уж, парень, до рудника терпи, там и снимут. Лучше скажи, – кто тебя так отделал, мы с ним сами разберемся...

– Не помню, – еле-еле пробормотал я. – Ты, капитан, лучше бы цепи приказал снять. Может, у меня рука сломана, ребра.... Помру ведь...

– Старшой, а может, снимем железки? – заступился кто-то. – Куда он денется?

– Куда денется? – переспросил командир. – Ты не слышал, что о нем бургомистр сказал? Наемник это. Опасен, мол, как боевой пёс!

– А что бургомистр? Бургомистр – крыса городская, всего боится, – хохотнул «добрый» охранник. – Увидел, как наемник кому-нибудь в морду дал, ссыт от страха. Мало мы солдат перетаскали? Еще и не таких обламывали. В цепях оставить – корми его всю дорогу да приглядывай, чтобы свои же пасть не порвали. Хрен знает, может, он чью-то невесту перед свадьбой поймел? Или сестрицу любимую обрюхатил?

– Невесту, сестру... Эх, парень, – вздохнул старший охранник. – Ты не помнишь, что бургомистр сказал? Этот бычок – двадцать лет был наемником.

– И чаво?

– Чаво, чаво – бычьего! – окрысился бригадир. Потом, сменив гнев на милость, объяснил: – Я всяких псов войны видел – год-два отслужат, редко три. Пять лет – герой, жопа с дырой, но либо в золоте-серебре купается, либо калека увечный. Двадцать лет... Ты посмотри, сколько шрамов, а все на месте – и руки и ноги... Кто знает, что выкинет, если цепи

с него снять. Один всех положит и не поморщится, а нам отвечай. А тут, за каждого талеры отданы. Так, что, – заключил бригадир, – в оковах-то, оно надежней. Уж лучше пусть один сдохнет, чем весь товар нам попортит. На стоянках его вытаскивать будем, а в пути за клеткой смотри. Ладно, давай кормить бычков.

Цепи мешали, но я поел, умудрившись держать еду скованными руками. Для узников (или, кто мы сейчас?) разносолов не полагалось. Но черный сухарь, вместе с луковицей и кружка воды – лучше, чем ничего. Потом, постаравшись забыть о боли во всем теле и мокрую одежду, исхитрился заснуть. Когда нет других лекарств, лучшее снадобье – это сон на свежем воздухе. Октябрь – не самый теплый месяц, но все-таки, не декабрь и не январь.

После завтрака (сухарь без луковицы, кружка воды), меня забросили в клетку, чему я был только рад – на дощатом полу теплее. Сверху и сбоку нашу тюрьму прикрыли парусиной. И, хотя в ней зияли дыры, от ветра она защищала. Приковывать не стали и я, хотя и с трудом, мог шевелиться.

Я рассчитывал, что худо-бедно вздремну, но тут мой мучитель напомнил о себе. Видимо, ждал моего возвращения, чтобы продолжить экзекуцию. Я же, от слабости, был не в силах не то, что сопротивляться, но и говорить.

– Что, наемник? – спросил он с довольной ухмылкой, предварительно оглядевшись по сторонам. – Понравилось, как я тебя вчера потоптал? Снова хочешь?

«Одноклеточники» с любопытством наблюдали, предвкушая бесплатное зрелище. Я же, собрав все силы, сумел поднять ноги, скованные кандалами и отпихнуть мерзавца. Наверное, если бы клетка была неподвижной, он и не заметил бы тычка. Но из-за тряски Эрхард отлетел в сторону и упал.

– Ах ты, сука, – пробормотал кузнец, становясь на четвереньки. – Ну, все, теперь я тебя убью...

Он поднялся и, цепляясь за прутья, подошел ко мне, а потом подпрыгнул, вскакивая со всего маху мне на грудь. Я едва сумел набрать воздуха и задержать дыхание. «Ах ты, паскуда», – приговаривал он, повторяя попытку сломать мне ребра.

– Нашел! – к собственной радости услышал я голос охранника. – Бригадир, сюда! Вот этот и есть...

– Возчикам – стоять! – прозвучала команда, и клетки, послушно заскрипев, замерли.

– Ну, нашел? – поинтересовался подошедший бригадир. – Молодец!

– А я еще вчера подумал, что это он, – зататорил охранник. – Он так буркалами на наемника зыркал, что едва дыру не протер. Вот думаю, сегодня присмотрюсь получше. Держался за углом, гляжу, а он – тут, как тут. Каналья, хотел товар попортить. Вишь, на грудь вскочил, ребра пытался сломать...

Решетчатая дверь откинулась, в клетку запрыгнули два охранника. Испуганный кузнец, отпрянув от меня, ринулся в угол и попытался спрятаться среди сокамерников, но те выпихнули его на середину клетки и с любопытством смотрели – а что дальше?

Тюремщики захватили кузнеца за ноги и за руки, вытащили наружу и передали стоящим снизу «коллегам», а те, осторожно поставив Эрхарда на ноги, прицепили к нему ошейник и насадили на цепь, укрепленную сзади клетки.

– Это – чтобы не дрался и не буянил, – объяснил бригадир. – Ну, а вечером особый разговор будет. Не бойся – бить не станем.

– Приятное сделаем... Тебе понравится! – двусмысленно хихикнул охранник.

Клетка двинулась, а кузнец, как собачка, потрусил следом. Наверное, я должен был его пожалеть, если бы в этот момент не мечтал другом – добраться до глотки Эрхарда, сомкнуть на ней руки или – уцелевшие зубы...

Сидеть закованным по рукам и по ногам тяжело. Но в тот день я не чувствовал ни тяжести, ни боли, потому что находился в полубреду – полусне. Вечером, когда принесли еду, есть

не смог. Те из зубов, что уцелели, невыносимо болели. Один глаз не желал открываться. Закашлялся – пронзило болью. Все-таки этот скот сломал мне ребро...

Кто-то из узников, повинуясь приказу охраны, чуть ли не силой поил меня водой. Стало легче, но – ненадолго. Потом, я опять почувствовал, что теряю сознание... Но даже в бреду я с радостью слышал довольный гогот охранников, ругань кузнеца, переходящую в слезы и крики боли.

В середине ночи сумел поймать ускользающее сознание и очнулся. Ко мне пришло понимание того, что я наконец-то умру... Не в бою, пронзенный мечом, копьем или дюжиной стрел (хотя и одной хватит!). На меня не сбросят бревно и не скинут со стены во время штурма. Просто – сдохну в вонючей клетке. Здесь и сейчас.

Умереть в бою – не велика почеть. Давным-давно не мечтаю о том, как седовласый король, уронит на мое недвижимое тело скупую слезу и прикажет похоронить с воинскими почестями. И, вот тут-то я оживу, на радость королевской свите, среди которой окажутся мои отец и брат...

У королей есть дела поважнее, чем бродить среди покойников. На что там смотреть? На трупы? Ничего интересного: ну, трупы, ну, валяются. А что еще мертвым делать? Или, королю интересно глядеть на мародеров, что бродят между убитых, отгоняя нахальных воронов?

Когда ландскнехтов хоронят (сбрасывая в общую яму), они уже изрядно пованивают. Ни красоты, ни величия. Смерть на поле брани – мерзкая смерть (не говорите мне об азарте боя – не поверю), но к ней я был готов. Это – нормальная смерть. На эшафоте – тоже ничего. А вот так, преданный всеми, избитый...

Я начал злиться! Сознание стало ясным, мозг – соображать четко. Кто сказал, что я сдохну так просто? Нет уж, даже в кандалах я кое-что могу. По крайней мере, сумею умереть, утачив за собой обидчика. А лучше – выживу, отправлю на тот свет бывшего старшину, а потом вернусь в город Ульбург, к господину Лабстерману. Есть у меня к нему парочка вопросов. Хотя, зачем спрашивать, впустую сотрясая воздух? Убью – вот и всё.

На следующее утро, к немалому удивлению сокамерников и охранников, я сумел пристать и взять свой рацион – сухарь, луковицу и кружку воды.

Есть не хотелось. Знал по опыту: если организм не хочет еды, лучше его не насиловать; но запас пригодится. А вот воду выпил.

– Нажрался? – услышал я голос Эрхарда.

Кузнец смотрел с такой злобой, что мне стало не по себе. Его засунули в клетку уже под утро – это я помнил. Он так жалобно поскуливал, что мне почему-то стало его жаль.

– Ну-ка, дай сюда... – требовательно протянул кузнец руку к моей пайке. – Я тебя все равно удавлю...

Значит, рано я его пожалел!

– Эй, каплун, отстань от кандальника, – раздался из угла клетки голос. – Мало тебя охрана трахала?

– Ничего, сейчас и я кой-кого трахну! – пообещал кузнец, наклоняясь надо мной. – За все поквитаюсь!

Я выбросил руки вперед, набросив на мучителя цепь, и принялся душить. Кузнец захрипел. Я, едва не доделал то, что начал когда-то в ратуше, но нас растащили «соклеточники».

– Может, обоих прирезать? – мрачно поинтересовался дядька, похожий на степенного горожанина.

– Тебе лишь бы резать, – укорил его чей-то голос. – Тащи-ка каплуна к нам, позабавимся. А с кандальником потом разберемся. Не наш он, но в оковах...

Дядька ухватил Эрхарда поперек туловища и бросил в угол, к своим друзьям. Скоро поверх голов полетели обрывки штанов, раздался довольный хохоток арестантов, стоны кузнеца...

Вспомнилось, что «кандальниками» зовут тех, кому «одноногую» Гретхен заменили отправкой на галеры или пожизненными работами на рудниках.

Дожил. Убийцей считают! Еще хорошо, что не растлителем малолетних или отцеубийцей! Впрочем, насчет «растлителя» я погорячился. Насильников, растлителей, отравителей и отцеубийц на каторгу не отправляли. Смысла нет тратить деньги на охрану и пропитание – все равно зарежут в первую же ночь. Проще – сразу на виселицу.

Конечно, с точки зрения городского обывателя пробы на мне ставить негде, а кладбище за спиной такое, что... Правда, медикусов даже считают целителями. А вдуматься – наемный солдат со стажем, как у меня, по сравнению с любым городским лекарем – сопливый мальчишка.

Тут в голову пришла мысль, что соседи по клетке-повозке, если не подданные, то хотя бы знакомые моего старинного друга Жака-Оглобли... Чтобы проверить догадку, я полусшепотом произнес фразу, которой когда-то научил меня старшина нищих и король воров:

– Стенка, балка, потолок, позолоченный замок...

Меня услышали. Из кучки сокамерников донеслось удивленное шушуканье, а потом один из них рывком метнулся ко мне и прилег рядом.

– А дальше? – требовательно прошептал он в ухо.

– А дальше, про какую-то отмычку, только... – сделал я паузу, – это должен сказать не я...

– Что б замочек отворить, нужно гвоздик раздобыть, – договорил арестант и резко спросил: – Кто сказал? Откуда *слово* (выделил он) знаешь? Ты же не вор!

– Не вор, – согласился я, – наемник. А сказал мне об этом... добрый дяденька, об одной ноге, с костылем... Он мне на загадку велел отвечать – пёрышко.

Оборванец задумался. Потом, как бы говоря сам с собой, заметил:

– Откуда знаешь короля?

Месяц назад

– Запомнил? – спросил меня Жак, став серьезным. – Ты отвечаешь – пёрышко. По этому слову тебя примут за своего в любой камере, на любой каторге. Только... – пришел мой друг в легкое замешательство. – Не говори, где ты со мной познакомился! И про пять лет службы.

– Почему? – удивился я. – Чего тут зазорного?

– По правилам настоящий вор никогда не берет денег за работу! Вор должен воровать!

Понял?

– Стало быть, ты никогда не был ни солдатом, ни купцом?

– Точно! – обрадовался Жак. – Все-то ты понимаешь!

– Подожди-ка, – вспомнил я. – А как с тем парнем, твоим компаньоном?

– Каким компаньоном? – не враз понял Оглобля.

– Ну, вместе с которым ты торговлю затеял. Тот, что тебя искалечил и ограбил?

– Я же не говорил, что вместе с ним торговлей занимался. Сказал – мол, деньги ему давал в рост, делов-то...

– А как твои склады, лавки? – не унимался я. – Это разрешается?

– Разрешается, – не моргнув глазом, ответил Жак. – Я их не для себя держу, а для народа. Понял!

– Сложная это штука, воровская этика... – вздохнул я.

– А то! – хмыкнул старшина нищих. – Не каждый поймет. Вот, ты, брякнешь что-нибудь невпопад, сразу потребуют разъяснений... Я-то, конечно, выкручусь, но лучше

не врать свьише меры. Ну, а тебе на лишние вопросы лучше не отвечать. И не строй из себя бывалого каторжника – не получится.

– А что говорить?

– Говори так, как есть. Только – не досказывай до конца. Сам знаешь – лучший способ сохранить тайну – говорить правду. Но не всю... Понял?

– Ну, что ты заладил? – не выдержал я. – Понял, не понял. Лучше скажи – почему пароль такой несерьезный?

– Разве? – удивился Жак. – А что не так?

– Детский стишок напоминает.

– Стишок? Ну и что? – пожал плечами «ночной» король. – Пусть себе напоминает. Тот, кому положено – поймет, а остальные – кой хрен разница?

– Короля? – почти натурально удивился я. – Я и не знал, что он король воров. Для меня он старый знакомый, нищий...

– Так он кому попало не скажет, – горделиво хохотнул оборванец. – Ну, раз он тебе слово передал, стало быть, знал, кому говорить. Почему сразу не сказал? Мы бы этого козлица каплуном еще раньше сделали...

– Когда сюда попал, то и имя-то свое с трудом вспомнил, – ответил я. – Да и стишок этот – вроде, простой, а не сразу на ум приходит.

– Где с королем познакомился? – посмотрел на меня оборванец так, как я смотрел когда-то на вражеских «языков». – Я не допрашиваю ... – уточнил он невинным тоном. – Не хочешь – не говори. Просто мне любопытно... А меня Жаном зовут. Можно – Жан-щипач. А еще – Джон, Иоанн, Йохан – на выбор. Как понравится, так и называй. Но ты давай, рассказывай. Потешь любопытство...

Ох уж любопытно, как же... Вопросы Жана больше напоминали допрос. Щипач – это вроде бы, вор-карманник? Ломай теперь голову, кто есть кто...

– Ну, вообще-то... – протянул я, досадуя, что скованные руки мешают чесать затылок – так врать легче! – Любопытного ничего нет... С Жаком я познакомился лет двадцать назад, когда еще студентом был. Нет, вру, уже бакалавром... Он тогда на двух ногах ходил. А потом, то ли он мне жизнь спас, то ли – я ему, не помню. Драка была. Там все друг друга резать пытались, кто, да что – кой хрен разница? А познакомились мы с ним в длинном бараке, без окон... Ну, почти что в тюрьме, но не совсем.

– В сортировочном лагере для наемников, – усмехнулся Жан. – Слышал-слышал... А потом?

– Потом... Я в наемники подался, а куда он ... Не знаю, врать не стану. Вообще-то, когда нас в лагерь вели, он и исчез. Думал, его уже и в живых-то нет. А тут, на тебе, встретился пару месяцев назад, в Ульбурге. Я там обороной командовал, а он за чужими людьми присматривал, чтобы не нагнали. Сам понимаешь, во время войны народу всякого полно. Магистрат ему деньги предлагал, так он не взял...

– Ну, разве он деньги возьмет, – совершенно успокоился оборванец. – А ты, стало быть, сам Артакс будешь?

– Ну?! – удивился я по-настоящему. Неужели моя скромная персона настолько известна?

– Конь, говорят у тебя, шибко умный, – загадочно улыбнулся вор. – Один наш мастак выкрасть его пытался, так конь его в навоз окунул. (Гневко... Как-то он сейчас? – с нежностью вспомнил я верного друга и, едва не пустил слезу.) Подожди-ка, а как ты тут-то оказался? – спохватился щипач. – Слышал я кое-что про оборону Ульбурга. Ты же герой! Весь из себя в золоте, все девки под тебя стелются. Да тебе бы памятник поставить! А ты в клетке, как... ну, как не знаю кто!

– В жизни все бывает! – философски ответил я и вкратце поведал новому знакомому о своих злоключениях.

Щипач, слушая мой рассказ, только присвистывал...

– Дела! – протянул он. – Сидел я как-то с одним медвежатником. Тамошний граф ключ потерял, которым поясок невинности у своей фразы запер. Вот, граф парню свободу пообещал, если замок откроет. Он дурак и купился! Хочу, говорит, посмотреть, что там у знатных дам под подолом! Говорили ему: «Там все то же самое, что и у простых баб!» Так нет же... Замок открыл наилучшим образом. А граф, сволота, на свободу парня отпустил. Правда – без головы. Так что тебе, наемник, еще повезло. Только вот, – критически посмотрел на меня щипач. – Ты теперь с ворами дела иметь не сможешь. Тебя «опущенный» бил.

– Теперь, получается, я и сам вроде «опущенного»? – недоверчиво хмыкнул я. Не будешь же оправдываться, что в оковах не смог дать сдачи? Смысл какой в моих оправданиях, если Жан-щипач все сам прекрасно видел. Да и тот кузнец, хоть и сволочь, но разве виноват, что его изнасиловала охрана? Только тут обстоятельства роли не играют. Виноват – не виноват. В каждом лесу свои законы...

– Н-ну, почти, – уклончиво ответил Жан. – Если бы он тебя избил после того, как его поймали, ты точно в «каплуны» бы перешел. Тогда бы я с тобой и разговаривать не стал. А если бы ты *слово* сказал – прирезать бы пришлось или удавить. А так ты еще можешь в нашу компанию войти. Только, придется кое-что сделать... – кивнул он на бедолагу-кузнеца, скрючившегося в своем закутке.

– Башку свернуть? – догадался я, а когда Жан кивнул, заинтересовался: – А стоит спешить? Прибить – не проблема. Только нужно ли торопиться? Вдруг он нам еще для чего-нибудь понадобится?

– Понятно, что понадобится... – ухмыльнулся Жан. – Я до таких дел не очень охоч, но ребята его уже имеют. Втянулись.... Можно и потом придушить, когда на место приедем. Но можно и сейчас. Парни поворчат, но поймут.

– Так он и будет жить только до тех пор, пока это нужно...

– Вот как... – протянул Жан и посмотрел на меня более внимательно. – И до каких же пор?

– Ну, например, если получится побег, – подставить его охране. Не самой, конечно, а их собачкам.

– Собачкам? Где ты их видел? – недоверчиво прищурился собеседник.

– Не видел, а слышал, – пояснил я. – Когда меня из клетки вытащили, тогда и слышал. Тявкали где-то впереди. Не то – таксы, не то – спаниели. Охотничьи собачки, что дичь привыкли вынюхивать, а пахнем мы сейчас – ой-ой-ой!

– Похоже, – подумав, согласился вор. – Только зачем они собак-то прячут?

– Может, не прячут, а просто показывать не хотят. Или собачки дорогие – зачем им ножки сбивать раньше времени?

– Дело говоришь... – задумчиво протянул Жан. – Слыхивал я мелких собачек, что арестантов вынюхивают, но как-то мимо ушей проскочило. Я-то привык, что псины большие бывают.

– А каплуна убить никогда не поздно. Главное, что сейчас убивать – себе дороже.

– Тут ты прав, – согласился вор. – Знаешь, почему король научил тебя говорить не про «гвоздик», а про «перышко»?

Я кивнул. На воровском языке «перышко» означало нож, а «гвоздик» – отмычку. Стало быть, я для них – наемный убийца. Впрочем, кем же я еще могу быть?

– Артакс – это имя или прозвище?

– И то и другое, – улыбнулся я.

– А другие имена у тебя есть? Артакс – слишком имя известное. Полком, говорят, командовал. Комендантом города был. Ишь, комендант каторжный! Давай, что-нибудь попроще.

А ведь прав, Жан-воришка, ой, как прав! Не тот случай, чтобы гордиться кавалеру «Башни и креста», ой, не тот...

– У меня имен – букет целый, – усмехнулся я, припоминая всех своих патронов. – Юджин-Эндрю-Базиль.

– Ты из благородных, что ли? – догадался вор.

– Вроде того, – скривился я.

– Бастард, небось? – вздохнул Жан. – Ничего, бывает, – утешил он меня, не дожидаясь ответа. – Ладно, будешь Юджином. А то, пока выговоришь все три, окотиться можно.

– А бежать отсюда можно? – осторожно поинтересовался я.

– Бежать? С этапа? Нет, – категорически заявил вор. – Решетки – прочные. Замки такие, что даже Вальрас, наш медвежатник, не откроет. И охрана опытная. А ты говоришь, что если и собаки тут, то все, амбец... Не получится. Уже пытались. Только кончали так же, как тот бородач. Нет уж, я на такой подвиг не способен. Если охрана кого «опустит», то все...

– А нас куда везут?

– Ну, парень, а еще друг короля воров! – засмеялся щипач. – Кто же таких простых вещей не знает?! Везут нас в долину святого Иоахима, на серебряные рудники графа Флика. Ему, по особому указу императора, разрешено забирать государственных преступников из всех тюрем. Ну, еще он не брезгает и такими, вроде нас. Серебряная руда почти истощилась, вольняшкам работы нет. Местные горняки в другие долины ушли. Ну, а наш брат работает за миску похлебки да за ломоть хлеба в день.

Долбанные стариканы! Накликали, сволочи, накаркали старые пердуны, вспомнил я недобрым словом Ульбургских «горняков», что рекомендовали мне попасть на каторгу в Самоцветные горы... Оттуда, мол, сбежать легче.

– А из рудника Флика сбегают? – поинтересовался я.

– Ну, кому как повезет, – неопределенно ответил Жан. – Посмотрим. Но, – многозначительно добавил он, – нет таких тюрем, откуда нельзя сбежать! Из тюрем бегут, а уж с каторгито, ноги сделать, всегда легче. Главное – было бы куда, да к кому! – философски заключил вор и поднялся: – Ладно, я к своим.

– Беги, – не стал я возражать. – Скорее бы на рудник, что ли. Кандалы бы сняли... – мечтательно протянул я.

– Ну-ка, дай глянуть, – осмотрел мои оковы Жан. – Фи, ерунда-то какая. Браслеты твои на защелках, а не клепках!

– Ключа-то нет.

– Ты с кем дело имеешь? – хохотнул щипач. – Ключ будет! Сейчас кликну... Вальрас!

От кучки арестантов отделился один из парней – молчаливый и угрюмый, с большой головой, сосредоточенно вытащил откуда-то толстую трехгранную иглу и быстро поковырял ею в замке наручников. Там что-то хрюкнуло.

– Когда сбросить захочешь, стукни обо что-нибудь, – объяснил Вальрас, ковыряя теперь в замке ножных кандалов.

– Стукнуть и, все?! – удивился я. – Так просто?

– И все, – кивнул Вальрас, убирая иглку в лохмотья. – Я у них замочки сломал. Сами по себе не слетят а, со стороны незаметно. Надо – надел, надо – снял.

– Ух ты, как жить-то хорошо... – простонал я.

Без тяжелых железяк я был на седьмом небе от счастья. Забыв про боль, почувствовал столько сил, что готов был ломать решетки голыми руками. Правда – не рискнул.

– Ты их днем не снимай, – забеспокоился Жан. – Охрана увидит – на оковы заклепки поставит! Ищи потом кузнеца да инструменты.

Мой новый приятель Жан-щипач был кем-то вроде старшины нашей тюрьмы на колесах. После того, как он перетолковал с народом, прочие соклеточники-сокамерники начали разговаривать со мной, как с равным. Ну, почти... Встать вровень мешал Эрхард, которого я обязался прирезать. Как выяснилось, должен был еще и помазать себя его кровью. По негласному уговору было решено, что «каплуна» я убью, как только представится удобный случай...

Я попытался узнать, как Эрхард попал в клетку? Понятно, что Лабстерман не простил старшине кузнецов неудобных вопросов. Но, видимо, бедолага знал и еще что-то, чего опасался первый бургомистр вольного города Ульбурга. Только при чем тут я?

Узнать подробности не удалось. Кузнец валялся на полу, как скомканная одежда, и когда его в очередной раз тащили «позабавиться», уже не сопротивлялся, а плакал. В мою сторону он боялся и смотреть, а когда я пытался заговаривать, прикрывал руками горло и начинал скулить, как побитая собака. Уж не свихнулся ли?

Постепенно ко мне стали возвращаться силы. Не настолько, чтобы драться с тюремщиками, но, по крайней мере, меня хватило на то, чтобы суметь сосредоточиться. Когда наступала ночь и охрана, выставив часовых, уходила спать, я осторожно снимал кандалы и наслаждался той легкостью, с которой мог двигать руками и ногами. Пытался не терять форму, делал упражнения, мысленно представляя, что в руках оружие.

Кроме меня и Эрхарда, народ был привычен к клеткам – на колесах, или без оных. Они вели свою, непонятную для меня, жизнь – спокойно переговаривались, смеялись, играли в какие-то игры. Меня участвовать не приглашали, да я и не напрашивался. По ночам несчастный кузнец оказывался в их углу – оттуда доносились всхлипывания, сопение и довольное оханье арестантов. Охрана в эти дела не вмешивалась. Понятно – в их задачу входило доставить нас живыми и невредимыми до какого-то определенного места, а утрата купцом «девственности» не портила его товарного вида. Иногда во время привалов и сами тюремщики извлекали Эрхарда...

В камере на колесах, как и в любой тюрьме, было скучно. Сквозь дыры в парусине однообразный пейзаж – редкие деревья, скалистые холмы, старые ямы углежогов, поросшие кустами. Когда-то в этих краях добывали железо, свинец, олово. С тех пор руды истощились, а из-за вырубленных деревьев пересохли речки. (Слышал, император приказал выращивать новый лес, но результатов пока не видно.) Редко где попадались небольшие овечьи стада. Пастухи при виде страшных фургонов торопились отогнать отары на безопасное расстояние.

Мы развлекались тем, что рассказывали друг другу всякие истории. Мои повествования о войнах были приняты вежливо, но не более того. Таких рассказней можно послушать в любом трактире, да не в прозе, а в складных виршах миннезингеров. Их больше интересовали рассказы о странах, где удалось побывать. Кое-кто был уверен, что кроме Швабсонии больше земли нет, а если и есть, то населена чудовищами.

Рассказ о родине матери – древлянских княжествах, где мне пришлось побывать в детстве, был заслушан с огромным недоверием...

– Снегу, говоришь, по колено, а то и по пояс? – в задумчивости почесал всколоченную голову Вальрас, из-за чего она стала еще больше. – Бывает же такое! А чего они каждый день себя паром чистят? Такие грязные?

Жан удивлялся другому:

– Домики, а в них шкуры? Вот бы украсть... – загорелся щипач, услышав, что охотники оставляют на зиму драгоценные соболиные и песцовые шкуры в лесу и, никто это добро не берет.

Я рассказал парням и о разбойнике из Шервудского леса, умолчав лишь, что сам был в команде шерифа, которая его ловила.

– Эх, башковитый был парень! – завистливо вздохнул один из арестантов, услышав, как Локсли бежал из тюрьмы в бочке из-под вина.

– Враки! – авторитетно заявил другой. – Не смогли бы они доплыть. Потонет бочка!

Спорить и доказывать я не стал – за что купил, за то и продаю, а среди сокамерников возникла увлекательная дискуссия – утонула бы бочка, или нет, если ее спустить на воду...

– Она же с воздухом! А с воздухом, как поплавок на воде держится! – горячились одни.

– Да на хрен тот воздух! Толку-то от него? Если человека в бочку посадить, она кувыряться будет и воды начерпает, – доказывали другие.

– Не будет кувыряться, если вся тяжесть внизу!

– Если не закрыть бочку изнутри и щель оставить – зальет. Утоп бы твой Локсли.

– Если его повесили, значит не утоп! – высказался Жан, и спор затих сам собой. Правильно, кому повешенным суждено быть, тот не утопнет.

Время от времени кто-нибудь заговаривал и о долине святого Иоахима.

– Самое хреновое – это увидеть в шахте белую лошадь! – пустился в рассуждения один из бывалых людей, уже несколько раз бегавший с каторги. Правда, не из долины Йоахима.

– Кого увидеть? Откуда в руднике лошади? – вытаращился на него Жан-щипач.

– Они ворот крутят, чтобы породу наверх поднимать, – сообщил другой «ветеран». – Только слепые, увечные.

– Ага, те самые, которых арестанты пользуют...

– Дураки! – обиделся «знаток». – Белая лошадь – это не лошадь вовсе, а минный дух. Если увидишь, скоро обвал будет. Дух, он копытом по своду ударит и, все!

– Увидишь под землей лошадь – беги со всех ног! – развеселился Жан.

– А я вот другую историю слышал – о гномах. Рассказать? – предложил один из арестантов.

– Ясен пень, рассказать! – высказал общее мнение Жан.

– Жил рудокоп по имени Рувим, а по прозвищу Фраерман. Не тот Рувим, у которого кот рыбу таскал, а тот, у которого коза двухголового козленка родила. Фраерман неудачником был – мало того, что козленок у него с двумя башками, так и серебра мог наковырять с козью какашку. Только на еду да на уголь хватало, а на то, чтобы самому приодеться, да жену принарядить – ни-ни! А жена у него – молодая, красивая. Терпела вначале, с хлеба на воду перебивалась, обноски донашивала, а потом надоело. Стала зудеть – если, мол, горняк из тебя никакой, так в углежог иди или в охотники. Уголь – верная денежка, а охотник – тут тебе и мясо, и шкуры. А не то, мол, придется самой работать идти, передком деньги зарабатывать!

Рувим-рудокоп слушал да башкой мотал. И отец у него, и дед, и прадед – все они либо медь, либо серебро копали. Не хотел он ничем другим заниматься. Но перед бабой стыдно. А тут сказали ему добрые люди, что самый верный способ разбогатеть – гномов подкараулить. Гномы мелкие, но хваткие, и во всяких горных делах любому маркшейдеру нос утрут да подотрут! И вот, ежели за карликами горными подсмотреть, то точно будешь знать, где серебро искать!

Фраерман полгода за гномами следил. Над ним все рудокопы смеялись. Решили, что совсем мужик спятил, потому что в гномов никто не верил. Если кто и видел, так по большой пьянке. Жена тем временем к охотнику жить ушла, а коза с голодухи сдохла! А может и с горя, что козленок неладный уродился? А Фраерман и в ус не дует, знай себе карликов выслеживает! Гномов, однако, ни разу не встретил. Совсем уже отчаялся мужик, решил, что если за месяц ничего не найдет, то либо руки на себя наложит, либо в лесорубы пойдет. Но вот как-то ему в горах заночевать пришлось и устроился он в заброшенной штольне. Только заснул, а тут – шум, лязг, шорохи. Ну, Фраерман парень опытный и удары обушков, скрежет лопаты по камню, да скрип колес от тачек ни с чем не перепутает. Вылез и тихонечко, на четвереньках, на шум пополз. Выполз, а тут... Факелы кругом горят – светло как днем и целая толпа карликов! Трудятся как проклятые – одни камни дробят, другие породу пустую откидывают,

а третьи тачки увозят. «Ага! Вот в чем дело! – понял Фраерман. – Потому-то я гномов и не встретил раньше, что они по ночам работают, когда все честные люди спят!»

А тут Рувим-рудокон на камушке поскользнулся, загремел, а гномы услышали, прибежали, сцапали его за задницу и к старшему своему притащили – что, мол, делать с невеждой? Фраерман весь ни жив, ни мертв стоит – думает, убивать его будут, а старший гном – борода до земли, морда из камня, а башка из серебра, усмехнулся и говорит: «Ладно, Рувим-рудокон, так и быть, живи. Руби себе серебра, сколько сможешь за один раз увезти, но больше – ни-ни...»

Дождался Фраерман утра, пошел к тому месту и нарубил чистого серебра столько, что ему не то, что на новую козу, а на целое поместье хватило. Жена к нему вернуться хотела, но он ее выгнал. «Иди, – говорит, – медведей в берлоге утешай, а я себе бабу покрасивше найду!» Сам же решил, что хватит ему серебра, чтобы до старости безбедно прожить.

Соседи, что смеялись раньше, лютой завистью обзавидовались! Долго упрасивали рассказать, как он богатство-то нажил? Ломался-ломался Рувим, как девка нетронутая, но в конце концов рассказал им обо всем. Пошли рудоконы в горы, заночевали в той же штольне и гномов увидели. Только не стали рассвета ждать, а гномов прогнали и принялись серебро копать. И – только они начали, как в шахте обвал случился... А потом пришли за ними черти и в ад утащили, потому что умерли они без исповеди и причастия! А гномы – они ж тоже нечистая сила.

– Гномы, небось, нарочно людей заманили, чтобы дьявол потешился! – раздался робкий голос.

– Ерунда все это! – авторитетно заявил Жан-щипач. – Если бы гномы нечистой силой были – как бы они серебро добывали, а?

– Слышал я, – сказал один из арестантов, – что графу фон Флику тоже гномы серебро нашли. Пошел он однажды в горы, а там гномы землю копают. Пригляделся Флик, а это не просто земля или камень, а чистейшее серебро! Только граф хитрее поступил – приказал это место святою водой полить. Гномы все от испуга разбежались...

– Как же, будет граф по горам ходить, – усмехнулся один из ветеранов. – Ему, небось, слуги серебро нашли и доложили – вот, мол, Сиятельство Ваше, возьмите...

– Эх, если бы я нашел серебро, то никому бы не отдал! – мечтательно проговорил самый молодой из нас – худосочного вида паренек в драном камзоле и разноцветном трико.

– Скоро будешь искать! – засмеялся Жан, хлопнув парня по спине. – Все, что найдешь, графу Флику достанется.

– А я, вот слышал... – вклинился в разговор кузнец, но завершить не успел...

– Тебя кто спрашивал? – вызверился на него Жан. – Тебе кто разрешал пасть открыть?

– Соскучилась «девочка», – гоготнул один из арестантов, хватая Эрхарда за волосы и увлекая его за собой: – Ну, пошли, маленькая, пошли...

Глава вторая

Серебряный прииск

Рудник не казался страшным. Я даже не сразу и понял, что это и есть тот самый прииск, о котором ходило столько ужасных слухов. Так, обычный городишко, с крепостной стеной и неременной часовой башней. Неподалеку высились горы, поросшие лесом. Сюда хорошо на охоту ходить, браконьерствовать, ежели лес не в общинной собственности, а в ленном владении владетельных сеньоров. Ну, никак мирное предгорье не походило на серебряный рудник графа фон Флика!

Но, как выяснилось, одно другому не мешает. Правда, на охоту здесь уже давно не ходят – последнего оленя пристрелили лет сто назад, а предпоследний волк сдох от бескормицы. (Последний, надеюсь, оказался умнее и ушел туда, где еды побольше, а людей поменьше.) Теперь на склонах пасут стада и варят знаменитый овечий сыр, что ценится меньше, чем серебро, но пользы от него больше.

Наши клетки ехали по узенькой улочке, кое-где задевая стены домов, но никто не вышел. Может, тюрьмы на колесах – обычное зрелище? Но все равно вездесущие мальчишки выбежали бы посмотреть, погалдеть и бросить в клетку дохлую кошку или конское яблоко.

Судя по всему, город был основан вольными рудокопами. Теперь он потихонечку вымирал, а жители, если не ушли, превращались из горожан в свинопасов и хлебобобов. Даже часы на здании ратуши были мертвы, а минутная стрелка согнулась, грозя вот-вот отвалиться.

Проехав городок, мы приблизились к отвалам – огромным грудам камней, не понравившимся взыскательными горняками. Когда-нибудь к этим камням вернутся люди и начнут их разбирать в поисках чего-нибудь ценного.

Неподалеку от города, в долине, зажатой двумя горами, пристроилось несколько каменных сараев, напоминавших тюремные бараки, окруженных стеной из булыжника. Кажется, прибыли...

– Выходим, быстро! – торопила нас стража, стремящаяся поскорее сбыть товар.

Надсмотрщики были довольны. Все поголовье здорово, и никто не бежал с этапа. Теперь люди в кожаных камзолах могли получить свои кровные денежки и расслабиться – вволю попить шнапса и задрать юбку какой-нибудь шлюхе, если такие остались в этом убогом месте...

Вся процедура «выгрузки» была до боли знакома. Примерно так нас разгоняли по баракам, когда этап явился в лагерь наемников.

Двадцать лет назад

– Стало быть, тута и будем спать, – глубокомысленно изрек Витас-ремесленник. – А что, неплохо! Как койки поделим?

– Те, кто длиннее, ложатся вниз, – внес я предложение. – Маленькие – наверх.

– Это почему? – возмутился Жак-Оглобля. – Я чё, виноват, что у меня ноги такие длинные? А если верхний ссаться будет? Спал я приюте, когда наверху зассанец жил, так я его чуть не удушил. Вечно по ночам что-то капало. Не хочу! Нет, раз ты умный, скажи – почему длинные должны внизу спать?

– А потому, что когда ты с верхней койки спрыгнешь, то всех нас с ног собьешь, – попытался объяснить я ему.

– А почему я должен спрыгивать, если я могу просто спуститься? – не понял Жак.

– Потому, что в армии есть обыкновение кричать «Подъем!», когда всем еще хочется спать. А после побудки все должны выскочить во двор и строиться, – поделился я тайными знаниями.

– Тогда ладно, – кивнул Жак и попросил: – Тогда ты и будешь наверху спать. Вроде не ссышься.

Дворянчик, отрекомендовавшийся на первом привале, как «сьер де Инеда», а во время пути переделанный нами в Неда, пройдясь по комнатухе, внимательно осмотрел каждую койку и вдруг заявил, указывая на ту, что стояла у входа:

– Тут будет мое место!

– Это почему? – возмутился Витас.

– Потому что здесь больше воздуха, – сообщил Нед и высокомерно пояснил: – Я не люблю нюхать то, что ты будешь «выпускать» из себя ночью. Ну, а, кроме того, как самого знатного, меня назначат командовать десяткой. А место командира – у входа.

Если бы дворянчик не наглел, ему бы никто не перечил. Наоборот, все охотно уступили бы место у входа, стремясь забиться поглубже. А нюхать там, не нюхать, какая разница?

– Тебя уже командиром назначили? – насмешливо спросил вор по имени Бретон. – Когда я сидел в тюрьме, то в каждой камере был староста. Так вот – ты на старосту не тянешь!

– А ты тянешь? – сразу же зашелся Живчик – еще один ворюшка.

– А где лежал староста камеры? – поинтересовался я, пытаясь увести от скандала.

– Там, где хотел, – веско заявил Бретон, но потом уточнил: – В камере кроватей нет. Там только солома.

– Ну, а у нас нет ни соломы, ни матрацев, а только доски. Посему – давайте метать жребий, – предложил я.

Идея пришлась по душе. Завязали глаза Бретону, а Живчик, указывая на ту или иную койку, громко спрашивал: «Кому?».

По закону подлости место у входа выпало мне. Дворянчик скривился, но стерпел. Против судьбы не попрешь.

Когда мы расположились, в загородку заглянул сержант, цепко осмотрел помещение и остановил взгляд на мне.

– Как зовут? Имя, кличка... – отрывисто спросил сержант.

– Студент, – назвал я прозвищем, что присвоил мне Жак-Оглобля в пути.

– Хорошо, – нисколько не удивился сержант. – Стало быть, Студент – назначаешься временным десятником. Зарекомендуешь себя – станешь солдатом первого ранга и будешь именоваться по имени. Когда прозвучит команда: «Строиться!», выведешь десяток на плац и выстроишь по ранжиру. Понял?

– Так точно! – отозвался я.

– Нормально, – похвалил сержант. – Но имей в виду, за свой десяток отвечаешь ты. Если что не так – шкуру спусти с тебя, а потом уже с остальных.

Когда сержант ушел, дворянин Нед завистливо спросил:

– А почему он назначил командиром тебя, а не кого-то еще?

– Ты же сам заявил, что койка у входа – койка командира. Сержант решил, что мы сами выбрали себе начальника. Да ладно, – примирительно сказал я. – Слышал, что командир временный? Посмотрят на нас, а потом оценят. Может, тебя и назначат. Что до меня, то я командовать не хочу!

– Не хочешь, но сможешь, – заявил вдруг Жак-Оглобля. – Если станешь командиром, я тебя слушаться буду!

Я запротестовал, но тут подал голос молчавший до поры Паулино:

– Студент, кого ты хочешь обмануть?

– В смысле? – удивился я. – Ты меня в чем-то подозреваешь?

– Только в том, что ты не тот, за кого себя выдаешь, – отозвался Паулино. – Я ведь оружейник. Вижу, что ты из господ. Причем, не из таких, как наш Нед, а повыше...

– Это еще почему? – завелся «сьер де Инеда». – Я – дворянин в десятом колене. Могу перечислить каждого из своего рода от похода на Трабант короля Ворожсена, где погиб мой предок – первый из сьеров де Инеда!

– Парни, давайте, сменим тему? – миролюбиво предложил я. – Слышали уже, что тут нет ни принцев, ни шлюх! Все – наемники. И надо думать не о предках, а о собственной шкуре. Так? А теперь – поучимся строиться по ранжиру, пока время есть. Значит, Оглобля встает первым, за ним – господин сьер, дальше – Бретон...

Народ, недовольно поморщил морды, но подчинился. Получать плюху от сержанта не хотелось. Когда заорали: «Выходим строиться!», все выскочили и выстроились на плацу гуськом, в затылок друг другу.

Мы, в отличие от соседей, не понявших, что такое «ранжир», не получили дубинкой вдоль хребта. Смешно, но из такой ерунды начинается командирский авторитет...

Сержант, прохаживаясь вдоль строя, помахивал дубинкой. Затем, резко повернулся лицом к фронту и начал речь:

– Слушать сюда, уроды! Меня зовут – сержант. Просто – сержант. Не стоит говорить – господин сержант. В бою – чем длиннее обращение, тем хуже, так что лучше привыкнуть заранее. Я являюсь командиром сотни. Выше меня только командир тысячи – капитан роты, к которому следует обращаться – господин капитан. Подчеркиваю – командир **нашей** роты! Все остальные ротные – просто офицеры, которые не имеют права вам приказывать. Однако в случае неподобающего поведения, они вольны принять любые меры! К чужим командирам вы обращаетесь – господин сержант или господин офицер. Держаться с ними вежливо, почтительно – но с достоинством! Жоплизов нигде не любят. Выше командира роты – командир нашего полка, к которому следует обращаться – господин полковник. Думаю, за пять лет службы вам ни разу не придется обращаться к командиру дивизии, но на всякий случай, его следует называть – господин генерал. Ну, а выше господина генерала – только его величество Рудольф и Господь Бог! Посему, главным начальником здесь является господин полковник. Но! – поднял сержант дубинку, словно генеральский прапор. – У господина полковника и господина капитана слишком много дел, чтобы они уделяли его наемникам второго разряда. Поэтому я для вас и папа, и мама, и воинский начальник. С завтрашнего дня начинаю выжимать из вас «кислую шерсть» и делать из уродов солдат!

Мы сдержанно молчали. Сержант прошелся вдоль строя и, упикивая дубинкой животы, продолжил:

– Через месяц вы принесете Присягу на верность его величеству Рудольфу и нашему полку. Но, повторяю для идиотов, Присяга состоится через месяц. До этого времени вы не являетесь даже солдатами второго разряда. До этого времени вы – никто! Все поняли? Если поняли, то нужно сказать – Так точно! Ну, дебилы, все поняли?!

Наша десятка (по армейскому, десяток!), дружно возопила: «Так точно!» У остальных получилось хуже. Поэтому им пришлось тренироваться...

Потом нам были показаны сортиры (и это правильно), умывальники и кухня со столовой...

Казарма, некогда казавшаяся негостеприимной, сейчас бы сошла за образчик роскоши. Здесь же... Каменный сарай заполнен телами так, что некуда ногу поставить. Кто храпел, кто надрывно кашлял. Вонь такая густая, что пришлось дышать ртом.

Я был единственный, кто таскал на себе оковы. В темноте их было не видно, зато – слышно.

«Кандалника привезли!» – пронесся уважительный шепоток, и мне, в отличие от остальных, не пришлось искать свободное место. Несколько человек проснулись одновременно, слегка сдвинулись, уступая кусочек пространства, и принялись спать дальше.

Я с наслаждением упал на прелую солому и попытался расслабить мышцы, натруженные «браслетами» – пришлось прождать на ногах часа два, пока нас не пересчитали и не обыскали. Хотя бывалые сокамерники напихали под мои железки тряпок, но все равно кожа была основательно стерта.

Когда глаза привыкли к темноте, уши к звукам, а нос к «ароматам», я понял, что и в этом каменном сарае идет своя жизнь. Спали не все. То здесь, то там мелькали слабые огоньки масляных светильников. Кто штопал истершиеся до дыр штаны, кто жевал. Откуда-то слышался приглушенный смех, а откуда-то – стон.

Кто-то рядом со мной фыркнул. Я обернулся и замер – в футах от меня сидела крыса – огромная, с пуделя! – и чистила лапами продолговатую морду. Скосив на меня умные глазбусинки, оглядела от макушки до кандалов и, не обнаружив ничего опасного или интересного, продолжила прерванное занятие. Вид чистоплотной крысы успокаивал. Нет, крыс я не любил, но омерзения или страха перед ними тоже не испытывал. Тут был простой и здоровый прагматизм – если в бараке наличествует непуганая крыса, то голодом рудокопов не морят.

Один из новых соседей, которому попало по носу крысиным хвостом, чихнул и приподнял голову:

– А ну-ка, Тимо, брысь! Спать пошла! – грозным шепотом шуганул он крысу, будто на домашнюю зверюшку прикрикнул...

Та послушно прекратила омовение и подлегла под бок хозяина, свернувшись калачиком, как кошка.

Солома зашуршала и рядом со мной оказался Жан, успевший освоиться на новом месте, куда-то сбегать и с кем-то поговорить.

– В общем, так, – прошептал он мне на ухо. – Я тут с парнями перетерся. Имей в виду, о том, что случилось, никто не знает. Наши не скажут, а сам не болтай... – назидательно посоветовал щипач.

– Не буду, – пообещал я, будто того и ждал, чтобы рассказать о своем унижении...

– Лишнего ничего и ни кому не говори – ушей много! Завтра потолкуем, когда в рудник отведут.

– А что, завтра и отведут? – удивился я. – А как там, насчет того, чтобы научить киркой махать, руду долбить – что там еще-то... Как это серебро-то добывают?

– Ну, сказанул, – рассмеялся Жан. – Дадут тебе кайло в зубы и, вперед... Чего тебя учить-то? Сам научишься.

– Эй, новенькие! – раздался из угла усталый голос. – Завтра все узнаете. Давайте спать! Не выспитесь – работать будете плохо.

– А что, мы сюда работать нанимались? – насмешливо спросил кто-то из новичков, бывших в нашей партии. – Мы наработаем!

– Дрыхни. Завтра поймешь – нанимались, не нанимались... – хмыкнул тот же голос. – Жрать захотите – найметесь.

– Хм... – почесал щипач нос. – И верно, спать пора. – Уткнувшись губами в мое ухо, выдохнул: – Драпать отсюда надо... Чем скорее – тем лучше.

Перекатившись, Жан исчез в полутьме, а я заснул.

Не знаю, сколько проспал, но во сне почувствовал чье-то приближение. Какое-то чувство, (чувство есть, но как его правильно обозвать – не знаю!), заставило насторожиться. Кто-то, пытаясь быть осторожным, полз ко мне, старательно огибая спящих. И, получалось так лихо, что позавидует и армейский разведчик.

– А-а! – заорал человек знакомым голосом, наваливаясь на меня и пытаясь вцепиться в глотку.

Две недели пути, побои, тяжелые кандалы свое дело сделали. Раньше убил бы с первого раза. А тут – только отшвырнул, припечатав «браслетами» по физиономии. Раз. Другой... Верно, бывший старшина гильдии кузнецов спятил. Иначе, почему он не чувствует боли?

На кузнеца накинuloсь человека три, скрутили и, связав по рукам и ногам веревками, сделанными на скорую руку из соломы, бросили в угол.

– Лежи, каплун, и не дергайся! – пристрожил чей-то голос. – Нам из-за тебя подышать не хочется! Хочешь сдохнуть – сходи и башку расшиби. Но не здесь!

– У-у! – завыл кузнец так гнусно и протяжно, что пришлось вставить кляп.

Жан-щипач, успевший узнать о некоторых здешних правилах, прошептал: «В баракке убивать нельзя – норму для всех повысят! Завтра, в руднике...»

Мы проснулись от грохота. Кажется, разразилась гроза. Но какая-то странная – раскаты грома доносились из-под земли, а каменный пол содрогался, будто песок. И почему-то не были видны вспышки молний. Какими бы плотными не были стены и дверь, но мы бы должны их увидеть.

– Что за хрень? – не выдержал Жан, не поленившийся встать и подойти к дверям: – Это что тут за грозы такие?

– Это камни взрывают, чтобы руду легче дробить, – бодро откликнулся тот голос, что давеча советовал спать.

Старожил, вышедший из своего угла, оказался худощавым парнем с клочковатой бородкой. Правда, и все остальные были боролатыми – где тут бриться?

– Как это – камни взрывают? – недоверчиво спросил Жан.

– Порошок у них есть, – охотно пояснил старожил, направляясь к яме у стены. Сделав утренние дела, вернулся и продолжил рассказ: – Черный порошок, как как перец молотой, только мельче. Если подожжешь, вспыхнет как молния, загремит, как гром, а всё, что вокруг, на кусочки разлетится – хоть камни, хоть железо. А от человека – одни ошметки останутся! Его секрет только графы Флики знают, но берегут, как зеницу ока.

– Хитро... – с уважением покачал головой Жан.

Мне вспомнились город Ульбург и старички – «рудокопы». Точно! Под Водяной башней, перед тем, как она стала заваливаться внутрь, раздался какой-то грохот. Я решил, что этот грохот падения башни... А ведь я знал про такой «порошок»! Еще давно...

Тридцать лет назад

– Господин Юджин-Эндрю-Базиль, нынешним вечером вы должны быть в нарядном платье, как подобает графу! И, не какому-то там бург-графу или ландграфу, а графу – наследнику принца крови! – наизидательно сказал старый Франц Этух, мой гувернер, воспитывающий уже второе поколение нашей семьи.

– А зачем? – удивился я.

– Сегодня его высочество принимает его величество, короля Фризландии, Моравии и Полонии Рудольфа Второго.

– Ну и пусть принимает, – отмахнулся я, собираясь прямо сейчас смотаться с приятелями в город, поглазеть на приехавший цирк, где обещали показать волосатую эженицу.

– Его высочество, первый принц крови, приказывает вам быть на приеме.

Я чуть не завыл. Торжественный прием! Все придворные дураки раскланиваются друг с другом; ведут дурацкие разговоры о дурацких скачках, дурацкой охоте и о том, какой дурак в этом году станет победителем дурацкого турнира! А я, как последний дурак, буду отвечать на дурацкие вопросы! Фу... Только, куда деваться, если приказывает отец?..

– Франц, а что там будет интересного? – спросил я, подавляя зевоту. Может, приедут какие-нибудь жонглеры или, на худой конец, бродячий миннезингер?

– Его величество собирается удивить своих подданных и родственников огненными стрелами!

– Чем-чем? – переспросил я, пытаясь влезть в старую куртку, в которой обычно бегал с друзьями.

– Уберите лохмотья! – приказал Франц, перехватывая мою руку и отбирая куртку.

– Так какими стрелами-то?

– Огненными стрелами, – повторил мэтр Этух и, давая понять, что больше он ничего не скажет, хлопнул в ладоши, вызывая моего камердинера: – Брит, оденьте его светлость графа д'Артакса в парадный костюм. Граф, не хотите же вы попасться на глаза своему королю в столь затрапезном виде?

Спорить со стариком было так же бесполезно, как и с отцом. Вот, с дядюшкой (виноват, с его величеством) находить общий язык было куда проще. Недавно король пообещал, что лично похлопочет перед отцом, чтобы меня отправили учиться в университет Фризландии, а не в Высшее училище искусства, наук и ремесел, где-то в славянских землях – не то, в Ладогге, не то – в Луковце... Отец хотел, чтобы я осваивал славянскую культуру и не забывал древлянский язык, унаследованный от матушки. А мне не хотелось ехать за тридевять земель. Да и вообще, в древлянских землях ужасно холодно!

Весь вечер я мучился – щеголял в самом нарядном платье и ждал, когда начнется огненная потеха. Едва дождался, и чуть не лопнул от любопытства.

Однако она того стоила. Огненные стрелы летали по ночному небу, оставляя за собой длинные дымные хвосты, а потом высоко в небе разрывались на сотни маленьких молний. Кто-то из гостей уже назвал их файерами.

Файеры запускал желтокожый человек в халате, расшитом золотом.

Старый Франц шепнул, что купец из Чины, привозивший в наше королевство фарфоровые чашки и шелк, хочет заручиться добрым отношением короля и его ближайших родственников.

На правах ближайшего родственника у меня хватило наглости подойти поближе и посмотреть. Купец, узкоглазо улыбаясь и поминутно кланяясь, соизволил разломать одну из бамбуковых стрел и показать, что она набита черной пылью. Чтобы пыль не высыпалась, отверстие заклеено шелком, а сквозь шелк просунута веревочка. Если поджечь веревочку, то стрела полетит сама собой! Здорово!

Один из придворных, зачарованно наблюдая за полетом стрелы, заметил:

– Ваше величество, а ведь файеры можно использовать не для забавы. Если такими стрелами забросать осажденный город... Нельзя ли купить у чинайца его секрет?

– Я уже понял, – сухо сказал король и, обернувшись к моему отцу, спросил: – Базиль, что ты думаешь?

– Если файерами начнут забрасывать города, то скоро ими начнут забрасывать и рыцарскую конницу, – отозвался отец.

В это время одна из стрел взорвалась прямо над нами, осыпая присутствующих искрами, цветными огоньками и кусками разорвавшегося бамбука. Дамы вопили, собаки лаяли, кони ржали...

Отец же и бровью не повел:

– Представьте, ваше величество, что будет, если начинить эту бамбуковую трубку железом и взорвать ее среди войска?

Король рассеянно покивал, соглашаясь, а потом задумчиво заметил:

– А трубку взять не бамбуковую, а железную.... Тогда можно и не взрывать, а просто направить на противника...

– Ваше величество, вы – гений! – с придыханием в голосе изрек придворный лизоблюд. – С таким оружием мы сумеем разгромить любого врага! Одно ваше слово и я заберу у этого узкоглазого его файеры.

– Нет, – покачал головой король. – Если такое оружие появится у нас, скоро оно будет и у наших врагов.

– Но ведь у этих, чинайцев-синайцев, оно уже есть... – растерянно проговорил придворный. – Я слышал, как купец заявил, что они запускают файеры тысячу лет.

– Вот и пусть запускают, – усмехнулся король и обернулся к отцу: – Базиль, вы же не только мой брат и наследник, но и первый министр. Верно?

– К чему вы это? – слегка растерялся отец.

– К тому, что вы контролируете таможи. Распорядитесь, чтобы на въездах в наше государство изымались все огненные стрелы и черный порошок. Потом ... Да, потом уничтожать на месте. Бамбук сжигать, а порошок пусть бросают в воду.

– Будет исполнено, – коротко ответил отец и добавил: – Немедленно.

Откланявшись брату-королю, первый министр удалился.

Слова отца никогда не расходились с делом. И, если он сказал – немедленно, то сейчас в нашем доме начнут зажигаться огни, а секретарь под диктовку отца начнет писать распоряжение, переписчики размножат текст (или его отвезут в королевскую типографию), а наутро, десятки гонцов развезут приказы по таможням и комендантам пограничных крепостей...

Значит, старички-разбойнички сбежали с приисков не только с камушками, а «звезданули» еще и порошок, прах его раздери! А я-то голову ломал – как они выбрались из тоннеля? А они, поросята, никуда и не забирались. Пробили шурф, заложили туда порошок и подожгли...

– Если бы не порошок, – объяснял старожил, – нам бы тут руду дробить до скончания века. А так, всегда взрывают, перед подъемом. Сейчас на работу отправят.

Старожил не ошибся. Едва ли не сразу дверь барака распахнулась, внеся толику утренней свежести в скопившуюся за ночь вонь, в проеме появился человек в неизменном кожаном камзоле и, привычно поморщившись, проорал:

– Подъем! Две минуты на opravку...

Арестанты, каторжники, кто мы там? – нехотя поднимались, разгребали солому, в которую зарывались на ночь, и шли к длинному отверстию вдоль стены.

– Не копаться! Живо, живо! Выходим по одному! Руки – за голову! Вперед! – продолжал надрываться вертухай. – Новички – прямо идти по дорожке, не дергаться! Кто отойдет в сторону – получит стрелу в брюхо!

Сначала не поняли, что за дорожка, потом определили, что идти нужно между двумя рядами камней.

Реденькой цепочкой стали выбираться во двор, щурясь от неяркого солнца. Кандалы не позволили мне завести руки за голову, пришлось поднять их вверх.

Во дворе ждали арбалетчики, держащие нас на прицеле, и люди с собаками – молчаливыми, внимательно следящими за каждым движением, и, чуть ли не человеческим выражением глаз. Были еще надзиратели с алебардами, были и «крючники» – люди с баграми. Багры – то им зачем?

Командовал охраной невысокий смугловатый крепыш, чей рост и всколоченная борода делали его похожим на старого гнома. Для полной картины не хватало только кирки. Хотя за пояс была заткнута короткая дубинка. Рядом с коротышкой стоял и наш бригадир. Судя по виду – ночь он провел весело.

– Выходим, выходим ребята, неча телиться! – поторапливал «гном». – Спать дома будете, коли доживете. Быстрее, быстрее, детки!

Гном шутил, но от его шуток было невесело. Один из арестантов, – парень в разноцветном трико, случайно или спросонок, шагнул мимо границы, и сразу же в живот и в грудь ему впилось несколько арбалетных болтов...

– Всем стоять! – выкрикнул крепыш. – Оттащите мясо!

Мы замерли, боясь пошевелиться. Охрана насторожилась, собачки напряглись. Двое охранников захватили труп крючьями, быстро оттащили его в сторону, и выход арестантов возобновился.

Когда все вышли, в сарай заскочило несколько псарей и пара охранников. Видимо, для проверки – не спрятался ли кто-нибудь.

– Вот, нашли, – доложили охранники, вытаскивая наружу связанного кузнеца.

– Че это? Нут-ко, кляп-то выньте, – приказал «гном».

Эрхард, освобожденный от кляпа, завыл и принялся кататься по земле.

– Тронулся, – уверенно сказал «гном». – Рановато, правда... Нут-ко, поди сюда, – подождал он алебардщиков. – Долбани-ка его по башке, чтобы не мучился. Хотя, может и подождать? – спросил «гном» сам себя и сам же ответил: – Ладно, пусть поживет пока. Тащите-ка обратно, где взяли. Может, оклемается. Старички, – крикнул «гном» тем, кто попал сюда раньше нас, – стройтесь да в рудничок шагайте, неча вам тут уши вялить, работать надо, хлебушек отрабатывать. Шагайте-шагайте, детушки неразумные... Ну, в ногу, ать-два...

Старожилы привычно двинулись в забой, а нас вывели во двор и расставили в две шеренги. Сзади встали арбалетчики, а между нами псари с собачками.

Коротышка, выйдя вперед, начал речь, прохаживаясь вдоль строя:

– Я, обер-берг-мастер Торман, – представился «гном». – Что означает – старший горный мастер! Для вас, ребята – господин обер-берг-мастер! Властью, дарованной графом Фликом, я могу вас казнить и миловать. Сегодня вы получите пайку бесплатно! Но это первый и единственный раз, чтобы вы, детушки, ноги не протянули. Впредь, чтобы получать дневной паек, каждый из вас должен добыть одну либру¹ серебра в дюжину дней. Или, если проще – одну унцию в день. Но! – глубокомысленно поднял он палец. – За пустую породу вы не получите ни хрена! Каждый, кто добудет столько руды, что его хватит на выплавку чистого серебра, равного вам по весу, будет отпущен на волю. Поняли?

Я мысленно произвел расчеты и содрогнулся. Если предположить, что каждый день буду добывать одну унцию, за год это будет... ну да, триста шестьдесят пять унций и будет. А если, вешу я около двухсот семидесяти либр... ладно, теперь уже меньше, то все равно, мне придется провести в этом руднике не менее... восьми лет. А то и девять...

Флик, сволочь титулованная, знал, что делал. Даже если он действительно заплатил за меня сто талеров, что составляет сто унций, расходы окупятся быстро. Ну, добавим еще мое содержание, расходы на охрану и собачек. Все равно – выгодно!

Украдкой я глянул на физиономии собратьев по несчастью. Судя по сморщенным лбам, они также пытались произвести расчеты. У кого-то получилось, а у кого-то – не очень. Но главное уяснили – добывать руду придется долго! Возможно, кое-кто еще не понял разницы между «рудой» и «чистым серебром». Серебряной руды можно набрать много. Но вот, сколько из нее выйдет серебра – это вопрос! Да и кто, кроме обер-мастера сможет проверить – сколько же драгоценного металла удалось выплавить? А через восемь – десять лет, потерявшего все силы каторжника можно смело выпускать на свободу. Это обойдется дешевле, чем похороны. Хотя, какие расходы при похоронах каторжников – одна большая яма, которую можно заполнять и заполнять...

¹ Либра, то же, что и фунт – 327,5 гр. Унция – 1/12 часть либры.

Обер-берг-мастер, насмешливо наблюдая за нашими вытянувшимися лицами, утешил: – Бывает, что в старых отвалах хорошее серебро встречается. Был случай, – назидательно изрек он, закатывая глаза в сладостном воспоминании, – когда два колодника отыскивали такой самородок, – развел гном руками и сладострастно причмокнул, – что их сразу же отпустили.

Внимательно осматривая каждого из нас, Торман углядел мои кандалы.

– Особо опасный? – полюбопытствовал он у бригадира дорожной охраны. – Буйствовал?

– Не замечал, – честно ответил тот. – В дороге вел себя смирно, сам бежать не пытался и к побегу никого не подстрекал.

– А кандалы на кой? Если он руки стер, как работать станет?

– Продавец сказал, что может десяток голыми руками завалить, а с оружием – так и невесть сколько. Я перестраховаться решил.

– Правильно, что решил, – похвалил «гном». – А чего рожа разбита? Зачем били, если он кроткий, как барашек?

– Это не мы его ... Тот, что спятил, – кивнул бригадир на сарай.

– А кто он такой-то? На убийцу-душегуба паренёк не похож. Вишь, рожа в шрамах, морда наглая, а на рыле – мозоль от ремешка. Солдат, небось, беглый. У нас таких тьма-тьмушая бывала...

– Наемник он, – пояснил бригадир.

– Тэк-с, тэк-с, – прищелкнул языком обер-берг-мастер. – Десяток голыми руками, говоришь? А что за бургомистр-то? Из какого городка, как имечко?

– Имя? А вот имени-то своего он не сказал. А я и не спрашивал. Знаю только, что он двух мужичков нам продал – вот этого, да сумасшедшего. Тот, что спятил, на наемника в дороге нападал. Мы, – ухмыльнулся тюремщик, – его и поучили малость, да попользовали, как положено, чтобы бычков не портил...

– Переучили вы его, – с сожалением причмокнул языком обер-берг-мастер. – Я из-за вашей науки работника потерял, а за него сто талеров плочено! Кто деньги вертать будет?

– Ну, господин Торман, – осклабился охранник. – Мы вам его в целости и сохранности привезли, а уж спятил он или – нет, ваши проблемы. Пока везли – в своем уме был.

– То-то и оно, что мои, – злобно прищурился гном. – А пользы-то от него? От этого, – кивнул гном на капли крови, оставшиеся от парня в трико, – хоть польза какая. Собачки мясца покушали. А сумасшедший-то? Будет хлеб задарма жрать. А хлебушек-то денег стоит. Работники, они хоть и лопают три горла, так хоть серебришко рубят. Скормить и его, что ли? Так дороговато мясцо обойдется – двести талеров!

– Ниче! Каторжники его всю дорогу раком ставили и во все дыры пользовали, – хохотнул бригадир. – Они и отработают.

– Учи, учи ученого... – хмыкнул Торман. – А то без тебя не знаю. Ладно, из какого хоть города-то «кандальник»?

– Из Ульбурга. Оттуда обычно никого не дают, а тут, весточка пришла – мол, подъезжайте, пара бычков будет.

– Из Ульбурга? Вона... От Лабстермана, стало быть. Знаю его, давненько знаю... Лабстерман – сволочь старая, битая... – с оттенком уважения сказал обер-мастер. – Ну, коли он предупреждает – надо верить. Тогда вот что... пусть остается в цепях. Ну, а норму... – задумался гном, – норму, раз он такой бойкий, мы немножко повысим. Ежедневно – по две унции серебра. За себя, значит, да за земляка своего, спятившего. А будет трепыхаться, то вместо замочков мы ему клепку на цепи поставим, а ручные да ножные цепочечки вместе и соединим. Хе-хе-хе, посмотрим тогда, какой он бойкий!

Обер-берг-мастера я сразу же возненавидел больше, чем прежних обидчиков – бургомистра и старшину кузнецов...

– Значит, сильно ты Лабстерману насолил, сильно ... – хмыкнул Торман. – Бургомистр обычно на галеры посылает. Сколько раз ему удочку забрасывали – давай, мол, по сто талеров с рыла – ни в какую. Говорит, на Восток, на галеры выгоднее. Платят за гребца вдвое дороже, чем у нас, зато – там всего за год-два копыта откидывают. А у нас, коли сразу не помрешь, долго протянешь. Ну да ладно, – махнул «гном» ручонкой, – посмотрим, что ты за изюбр такой.

Пройдясь вдоль строя, «гном» продолжал разглагольствовать:

– Серебришко, ребятки, свою особенность имеет – кто возле него живет, никакими хвоями не болеет. Вот я, ем-пью на серебре, дышу серебром – уж сорок лет никаких болячек!

«Нет болячек? – хмыкнул я про себя. – А чего же ты такой смуглый?» И не просто смуглый, а синий. Читал я как-то, что воины Александра Македонского, боявшиеся расстройства желудка, пили исключительно из серебряных кубков и к концу похода стали слегка голубоватыми. Бьюсь об заклад, что у обер-берг-мастера проблемы с почками. Но, проблемы Тормана – это его личные проблемы. Если он загнется здесь и сейчас, то вряд ли это освободит меня от каторги.

Нам выдали кирки, похожие на боевые клевцы, только с прямыми жалами, тяжелые тачки. Раздали по куску черствого хлеба, фунта эдак в три, по комку овечьего сыра, и – луковицу. Что же, все просто и разумно. Брюхо набить хватит и цингой не заболеешь. Дороговатая пайка получается! Если бы я кормился так каждый день, на прокорм бы хватило талера в месяц. Каждому была выдана глиняная плошка. Видимо, внутри горы есть какие-то водоемы (хотя бы лужи, но кто скажет, что лужа не водоем?).

Пока выдавали пайки, обер-берг-мастер щедро делился наставлениями:

– Главное, ребятки, тутошних гномов остерегайтесь, – ворковал он, как дедушка, первый раз отправляющий внуков в лес за хворостом. – Они, суки низкосракие, выходят на старые штольни, да начинают кайлом махать...

Главный горный мастер принялся пересказывать историю о Фраермане, которую мы уже слышали. Только в его изложении рудокоп все-таки простил непутевую жену. А вот она решила сама подсмотреть за гномами, за что и была примерно наказана.

– Так что, детушки, – заключил обер-мастер, – увидите гнома, не верьте ему ни на пфенниг! Поняли?

Один из парней, весельчак и балагур, глядя на Тормана, по виду – сущего гнома, не выдержал и фыркнул.

– Э, паренёк, – широко улыбнулся «дедушка». – Тебе посмеяться захотелось?! Сейчас – вместе посмеемся. Эй, робятушки, отведите-ка шустрика на «кобылу»! – приказал он голосом, который отливал не серебром, а совсем другим металлом.

Парня вытащили из строя и повлекли в угол, где стояло непонятное сооружение: бревно на четырех подпорках. Спереди прибит лошадиный череп. Точно – ни дать, ни взять – кобыла. Только, вместо седла на ней была узкая доска с острым краем...

На эту доску охранники пристроили весельчака, связав его руки и ноги под брюхом «коня».

– К ножкам-то – камушки, камушки привяжите, не жалейте камушков-то, – «ворковал» обер-берг-мастер. – Чего бы хорошего, а камушков у нас много, на всех хватит... И пусть он так до вечера посидит, стервец. А завтра, коли ходить сможет, тройную норму за паек выполнит! Не выполнит, собачки помогут...

Такого наказания я еще не видел, но сообразил, что если просидеть до вечера, то, в лучшем случае, останешься калекой.

– Вот так-то, миленькие мои, – добродушно улыбнулся Торман. – За малое непослушание – посмотрел не так, сказал не то, ненадолго на кобылку посадим, на час-два. За большое – подольше. Ладно, ребятки, – кивнул он охранникам, – снимите этого дуралея. Прощу его

на первый раз, так и быть. Только норму мы ему увеличим... Пусть он сегодня ... четвертную норму нарубит, чтобы хлебушка вдоволь покушать.

Бедолагу развязала и небрежно уронила на землю.

– Ну, чего ты милок разлежся? – улыбнулся Торман. – Тяжело? А и просидел-то всего ничего.

Парень едва сумел подняться. Выпрямившись, пошел, широко раздвигая ноги и морщась от боли.

– Ну, детушки, все поняли? – улыбнулся во всю пасть Торман и, остановившись напротив одного из наших, спросил: – Ты, братец, все понял?

– Понял, начальник, – кивнул арестант.

– Нет, дружок, ничего ты не понял... – цокнул языком «гном» и, вытащив из-за пояса дубинку, ударил ею в живот каторжника, а когда тот согнулся, со всего маху вытянул вдоль спины.

– Что он неправильно сделал? – спросил Торман, остановившись напротив меня, и с усмешкой заглянул в глаза. – Ну-ка, наемничек, скажи? – приподнял он дубинкой мой подбородок.

Мне захотелось плюнуть в синюю морду, но получать дубинкой не хотелось.

– Он назвал вас не в соответствии с приказом, господин обер-берг-мастер! – хрипло отпартовал я, пытаюсь правильно выговорить должность.

Торман разочарованно убрал дубинку и хмыкнул:

– Умный, ублюдок. Все слышали, детушки? Обер-берг-мастер! И, не дай вам Бог назвать меня по иному! Ну, а теперь – пора за работку браться. Дело простое, – напутствовал нас Торман. – Идете в штрек и выбираете камень, что нравится. Рубите, складываете на тачку и вывозите наверх, к камнедробилке. У дробилки стоит человек, все запишет – сколько на вас начислено руды, сколько из нее серебришка выйдет. Да не забудьте при входе палки да ветошку для факелов взять. Обратно пойдете – кайло и тачки сдайте. Спать никто не уйдет, пока хоть одна кирка на руках будет. А коли убьют кого, остальным его норму вырабатывать придется. Все понятно? Идите, голубки мои славные, трудитесь!

Под надзором охраны мы потянулись в зев пещеры. Места хватало, чтобы войти лишь двоим. Катить перед собой тяжелую тачку, волоча ручные и ножные кандалы – не подарок. Кажется, тачка и так неподъемна, а если ее камнями набить? Но, остальным было немногим легче.

Когда заходили, рядом пристроился Жан: «Перетолковать нужно!» – шепнул он и отошел в сторону.

Штольня шла не вниз, а, скорее, вверх. Протопав с полмили, мы оказались в огромной пещере, освещенной множеством факелов.

На первый взгляд, в руднике царил хаос. Но, если присмотреться, обнаружилась некая система. Оказывается, от пещеры в разные стороны вело множество узких штреков, а от тех, в свою очередь, шли еще более узкие. Как там назывался штрек, не имевший выхода на поверхность? Газенк? Гезенк? А, кой хрен разница!

Группы, человек по пять «выгрызали» из стен камни, а потом искали в них серебряные прожилки. Было и разделение труда: одни откалывали камни, другие дробили, а третьи катали тачки, присматривая, чтобы кто-нибудь из соседей не спер добытое.

Получается, зря мы тащили лишние тачки? Ладно, впредь умнее станем.

Само собой получилось, что рядом со мной оказался Жан и трое его подручных. Один – степенный мужчина, похожий на солидного купца или на преуспевающего ремесленника. Если бы не знал, что передо мной мастак по «мокрухе» – не поверил бы. Именно он в дороге и предлагал прирезать меня вместе с кузнецом. Второй – парень неопределенного возраста и совершенно неприметной внешности. Третий, тот самый Вальрас, отомкнувший мои оковы,

похожий на деревенского увальня, чем-то напоминал мне старого друга – Витаса. И имена были созвучны.

Как я понимал, Жан был старостой клетки, потому что занимал в воровской иерархии какую-то должность. Если применять цеховой расклад – не обер-мастер, но и не ученик!

– Ну, что скажешь? – спросил меня Жан.

– Для начала нужно каких-нибудь камней наковырять, – предложил я, – хоть пустых, хоть с серебром, чтобы подозрительным не выглядело. Ну, а дальше посмотрим по ситуации...

Вальрас и еще двое пошли рубить камни, а мы с Жаном принялись сортировать и раскалывать то, что нам притаскивали.

Серебра в породе было немного. Но все-таки оно было. Явно не такое, чтобы прямо сейчас шлепать из них талеры, а вкрапленное в другие, менее (а подчас и более!) благородные, материалы.

В прииске фон Флика серебро соседствовало с медью. Насколько я помнил, их разделяют с помощью ртути. Только, как это делается, не мог представить.

Время от времени, когда другие «заговорщики» притаскивали нам куски камней, мы могли обменяться репликами.

– Сколько охраны? – задавал я вопрос каждому.

– У нашего барака около сорока с арбалетами, – доложил «мокрушник», похожий на бюргера.

– Бараков пять, – вспомнил Вальрас. – Собак у каждого по десять штук. Эх, собачки...

– Ну, а еще по три арбалетчика на углах стоят, так, чтобы было не видно, – дополнил и я. Не удержавшись, хмыкнул: – Умники! Если начнется суматоха – в своих попадут!

– Двести человек, с полсотни собак, – почесал голову Жан. – А если вторая смена на помощь придет? Человек пятьсот получается. Многовато...

– Значит, нужно все сделать быстро, чтобы помощь подойти не успела, – сказал я. – Да и нет у них второй смены. Много охраны нужно только утром и вечером, когда нас туда-сюда гоняют. На ночь бараки закрывают, а днем мы в забое. Лаз узкий, толпой не выскочить. Двести – это все-таки не пятьсот...

По «закону подлости», если бы мы хотели добыть побольше серебра, то притащили бы пустую породу. А поскольку нам было все равно то, к зависти прочих, наша бригада оказалась самой добычливой. К концу смены учетчик, стоящий у камнедробилки, только крикнул, принимая пять тачек, наполненных черными камнями.

– Тут пайков на десять хватит на каждого, – хмуро обронил учетчик, которого было положено звать унтер – берг-мастер. Напротив каждого имени он делал пометки на восковой дощечке. – Как хотите пайки получить?

Я успел толкнуть в бок Жана и торопливо сказал:

– Лучше давай по две на день.

– Ага, – кивнул учетчик. – Стало быть, вашей ватаге – пять дней по два пайка на рыло. Завтра с утра начнете получать.

– Почему с утра? – возмутился «мокрушник», уже давно изводивший всех мечтами о еде.

– Потому, что нужно рапорт обер-берг-мастеру сдать. Он пайками распоряжается. Пока то, да се, уже утро будет, – пояснил учетчик.

– А что мы сегодня есть будем? – мрачно поинтересовался Жан.

– А я откуда знаю? – пожал плечами младший мастер. – Не нужно было сразу всю пайку жрать. Оставил бы половину – лопал бы ужин.

– Ах ты! – поднял кулак «мокрушник», но увидев, как охранник вскидывает арбалет, мрачно притих.

Под присмотром бдительных охранников все сдали кирки, тачки и сложили оставшиеся факелы. Потом нас построили и повели в каменный сарай, на гнилую солому.

Пока шли, Жан недовольно пробурчал:

– Надо было сразу все брать. Если бежать – запас надо иметь. А ты все напортил...

– А ты не заметил, как этот хмырь насторожился? – хмыкнул я. – Думаешь, они дурнее нас? Попросил бы сразу все выдать – вмиг бы на заметку попал...

– Да уж, – нехотя согласился Жан.

– А что, – обронил кто-то из жизнерадостных. – Все не так уж плохо. Надрываться не заставляют. Сколько заработал – столько получил. А еще говорили – каторга мол, каторга... Ничего, на каторге тоже жить можно!

Глава третья

Бунт – безнадёжное дело

Свобода!

Если на пути к ней встанут псы и стражники, нужно пройти на волю через их трупы! Ну, а кому повезет пришибить Тормана, тот может считать, что прожил жизнь не зря!

Каждый второй, с кем мы заговаривали, мечтательно цокал языком, а каждый первый яростно махал кулаками (не забывая озира́ться), обещая, что именно он и дорвется до глотки синюшного «гнома», буде попадется ему обер-берг-мастер на узенькой тропке! Но узнавая, что драться придется сегодня, а не когда-нибудь в отдаленной перспективе, скучнели и прекращали разговор. Рисковать вшивой (но собственной!) башкой хотел не каждый. А, по большому счету, почти никто и не хотел. Кто-то боялся попасть на «зубок» собаке или на острие алебарды, кто-то был близок к заветному количеству добытого серебра. Ну, а большинство просто не хотели терять обжитый сарай и пайку. В итоге можно было рассчитывать только на сорок человек.

Что до «шептунов», которых, как выразился щипач, в нашем сарае была «хренова туча», сообщить начальству о заговоре они не успели. Я, старый перестраховщик, и не любитель сложных планов (чем сложнее, тем хуже), строил расчет только на внезапности. Думаю, охрана повидала немало мятежей. Но, скорее всего, вертухаи во главе с обер-берг-мастером, еще дня два будут пребывать в твердом убеждении, что новые арестанты вначале осмотрятся, обмозгуют, а уже потом начнут бунтовать. Посему медлить нельзя. Неизвестно, как там у нас пойдут дела завтра-послезавтра. Кто-то может покалечиться в забое, кто-то, не получив пайки, оголодает и ослабнет. А главное – отложи мы бунт, нас просто «вложат»...

Осторожно, чтобы не привлекать внимание, я снял кандалы. Оказывается – так мало нужно для счастья! Я лежал, наслаждаясь легкостью в каждом члене. Немного беспокоило – не останутся ли на руках следы от «браслетов»? Мало мне мозоли на подбородке, (по нему сведущий человек сразу определит наемника со стажем!), так будет еще и след «каторги»...

Ночью в бараке никто не спал. Заговорщики договаривались, а остальные лежали в ожидании чего-то непонятного и страшного. Но вот роли расписаны, порядок действий утвержден...

Дождавшись, когда начнет грохотать «черный порошок», я поднялся во весь рост, потряс кандалами и, пытаясь перекричать гул, заорал, невольно копируя моего сержанта:

– Слушать сюда! Сейчас откроется дверь, я скамандую и мы побежим наружу! Всем понятно? Если кто-то останется на месте – убью! Поняли?

Народ, не желавший бунтовать, зашевелился, зачесался, отзываясь на мой призыв словами, в которых поясняли – где они видели меня и мою покойную матушку. Дескать – бунтуйте, а нас не трогайте. Нам жить хочца!

«Эх, ребятушки, – усмехнулся я, вспоминая говорок обер-гнома. – А куда ж вы денетесь?»

Один из каторжников, ерзавший всю ночь – ошметки соломы летели во все стороны, резво вскочил и припустил к двери. Добежать не успел, получив камнем в затылок...

– Кто следующий? – поинтересовался я, подкидывая второй камень, а потом скамандовал: – Бальзамо!

За ночь мы набрали сухой соломы и сложили ее у стены. Когда Бальзамо – тот самый, напоминавший степенного купца, а не убийцу, торопливо высекал искру, на него набросилось несколько человек. А скоро весь барак сошелся в короткой и жестокой драке. Их было больше, но у нас имелось оружие – обломки факелов, камни, заветная игла Вальраса, которой он орудовал как стилетом, и мои кандалы. Но главное – у нас была злость!

Убитых оказалось немного, а добивать раненых мы не стали. Пока дрались, Бальзамо успел высечь искру. Сухая солома вспыхнула, как и положено вспыхнуть сухой соломе. Пламя, облизав прелую подстилку, вначале нехотя, потом – старательно подожгло все, что могло гореть...

Охрана, унюхав запах дыма, распахнула двери, добавив струю свежего воздуха, и огонь вспыхнул до самой крыши... Не поняв, что тут случилось, тюремщики привычно выстроились перед входом, ошестившись оружием. Видимо, ждали приказа.

Перепуганные каторжники скапливались у распахнутых ворот, не решаясь выскакивать на острия алебард. Стояли, оглядываясь на пламя, прижигавшее спины, но умирать первым никто не хотел. Мы обменялись взглядами с Жаном: нужен герой-доброволец!

– По одному, по одному выходим! – вразной заорали охранники. – Без паники!

Эту бы команду, да чуть пораньше... Но мы с Жаном уже схватили Эрхарда и, раскачав его, выкинули безумца во двор, на острия алебард.

Кузнец погиб как герой, подавая пример остальным и, попутно пробив брешь в обороне, а каторжники, числом под триста душ, ринулись вперед, сменяя охрану.

Я слегка задержался в бараке, «подбадривая» особо пугливых и пламя уже подбиралось к моей заднице.

Когда выскочил и глянул на двор, то чуть не завыл от злости: народ, по большей части, ложился на землю, закрывая голову руками, а тех, кто дрался, уже добивали охранники и псы-убийцы...

– На землю! – крикнул мне кто-то из вертухав.

Ага, так я и послушался. Ударил кандалами одного, отбил алебарду второго и, едва не упал – за мою ногу цепко схватился какой-то каторжник, пытаюсь повалить. Вот, скотина! А ведь мог бы жить...

Перехватив цепь, разможил голову собаке и тут же присел, уворачиваясь от арбалетной стрелы. Подкрепление прибежало быстрее, чем я рассчитывал...

Где же Жан? А тут еще одна собака... Да что же ты на меня-то? Пришлось отвлечься, выбить клыки... Что-то я еще должен сделать... Что же? Ах, да, вспомнил!

На трупе бедолаги-кузнеца лежало два мертвых тела. Скинув их, теряя драгоценное время, я, как предписано, умылся кровью обидчика, на которого уже не держал зла.

– Сдурел?!

Возникший откуда-то Жан оттолкнул меня в сторону, спасая от алебарды, цепко ухватил за руку, увлекая за собой к стене, которую еще предстояло преодолеть.

Камни, сложенные друг на друга, вырывались из рук, крошились и норовили скинуть вниз. Будь они скреплены раствором – было бы проще и легче.

До стены нас добежало человек двадцать, но перевалить ее удалось не всем. Кого догнали собаки, кого – охрана. Может, человек десять? Нет, меньше. Один, уже достигнув гребня, упал на ту сторону со стрелой в спине...

* * *

Первая миля самая трудная. Бежали без пути и дороги, по камням. Мне повезло, что в отличие от остальных, обуток кое-как (а кто-то – вообще никак!), имел старые, но крепкие башмаки. Спасибо, господину Лабстерману – не поскупился! Спасибо сотоварищам, не разули!

Бежавшие босиком мучились, попадая пятками на острые кромки. Вот, один из нас остушился и упал. Кажется, что-то с ногой. Наверное, мы должны были подхватить парня на руки и тащить на себе. Не подхватили и не потащили – пробежали мимо, стараясь не смотреть на несчастного. Что ж, на его месте мог быть любой из нас.

Оружие, захваченное у стражи, стало неподъемным. Парни выбрасывали трофейные алебарды и тесаки, а я, поколебавшись, выкинул кандалы.

Мы успели пробежать около двух миль, когда обнаружилась погоня. Стало быть, с бунтом покончено раньше, чем я рассчитывал. И напрасно я полагал, что из-за суматохи никто не озаботится преследованием горстки беглецов. Без нас, что ли, серебро не добудут? Или – жалко потраченных талеров?

Самыми прыткими оказались две собаки. То ли сами вырвались, то ли их спустили. Хорошие были собачки. Первой, самой резвой, камень перебил позвоночник. Но все равно псина ползла вперед, подволакивая задние ноги! Не доползешь... Вторая, которой я умудрился попасть в нос, со всего маху перевернулась через голову и замерла, обиженно поскуливая.

Снова бежали час, другой ... Постепенно, камней становилось меньше, зато появились деревья, преграждавшие наш путь ветками и корнями.

Мои глаза уже застилала кровавая пелена. Еще чуть-чуть – упаду и, больше не встану. Но посмотрев на воров, которым приходилось еще хуже, продолжал бег.

Один из парней закашлялся и упал, уткнувшись лицом в траву. Умер? Мы не стали окликать товарища – чтобы не сбить дыхание, ни подходить к нему – нам надо дальше!

С трудом пробежали еще час (определить время я еще мог, но сказать, сколько осталось за нами миль, уже нет), народ стал выдыхаться. Да и мне не двадцать и, даже не тридцать лет. Ничего не оставалось, как выбрать место для привала.

Несколько минут мы лежали, слушая лай собак, доносившийся ближе и ближе. А я уж думал, что псы с рудника не умеют лаять! Мысленно разрешив себе и другим полежать десять минут, я встал, пытаюсь забыть, что ноги уже не слушаются головы, а сердце почти выскочило из груди и болтается где-то в горле.

– Нельзя разлеживаться. Дальше... – прохрипел я и помог подняться Вальрасу. Жан-щипач встал сам, а потом мы стали помогать остальным.

– Всё! Не могу больше, – простонал один из воров. – Бегите, а я останусь. Спрячусь, где-нибудь, отсижусь... Если повезет, свидимся.

– Не повезет! – объяснил я парню. – Собаки все равно отыщут!

– Ладно, тогда и прятаться не буду, – откашлялся он, вставая на колени и подыскивая что-нибудь для драки.

– Потерпи, – попытался я поднять его с коленок: – Побегали. Собак надолго не хватит – выдохнутся.

– А я уже не выдохся, а сдох! – отрезал он, потянувшись за валявшимся булыжником и, прислоняясь спиной к корявой сосне, усмехнулся спекшимися губами: – Уматывайте! Попробую задержать.

Ну, что тут будешь делать? Вытаскивать его силой не смогу, да и не хочу. Пусть остается.

– Бежим! – скомандовал я поредевшей команде.

Хотелось верить, что оставшие хотя бы задержат собак, подарив нам сколько-то минут свободы. Или – жизни?

Мы еле-еле переставляли ноги. Когда я понял, что дальше убегать бессмысленно, решил остановить людей...

– Стой! На месте, на месте стойте, нельзя падать. Не смей падать! – орал я, но было поздно. Беглецы (нас осталось шестеро) рухнули на землю.

– Встали, встали, – приговаривал я, поднимая народ.

Даже Вальрас – самый сильный из шестерых, (*нас – Вальрас – рифма*) только открывал рот и глотал воздух, не желая вставать. Не имей я огромного опыта подъема солдат – ничего бы не получилось. Поднял их на ноги, но вот дальше...

– Всё, Артакс... Сдохли... – сообщил Жан. – Умирать будем.

– Тогда – в драке умрем! – решил я. – Ну, ночные парикмахеры, щипачи и убийцы! Хоть одному вертухаю юшку пустим! Слабо?

Не думал даже, что удастся взять народ на «слабо». А ведь купились, как школяры! Кряхтели, ругались, но поднимались.

Подходящим местом для боя (жаль, последнего), по моему разумению, оказалась небольшая сопка, поросшая соснами и отвесная с трех сторон. Стало быть, атаковать нас будут с четвертой...

Если бы дали нам немножко времени, можно сделать преграду.

– Собирайте камни! – приказал я, подавая пример.

Подняться на горку было трудно. Еще труднее – втаскивать на нее камни. Мы сумели набрать лишь с десятков булыжников, когда услышали лай, доносящийся все ближе и ближе. Уже не соображая, удалось выкорчевать несколько мелких деревьев и сделать что-то похожее на дубинки. Сомневаюсь, что от них будет толк, но другого оружия не было.

Мы прилегли, укрываясь за деревьями, отчаянно надеясь, что преследователи пройдут мимо. Может, случаются чудеса?

Люди, возможно, еще и прошли бы, но не псы... Собаки, обежав вокруг «крепости», рассредоточились, изредка порывая. Следом донеслось похрапыванье коней.

Осторожно выглянув из укрытия, я попытался определить – сколько пришло по наши души и головы?

Охранники спешили и разошлись, беря нас в кольцо. В силу привычки я размышлял о предстоящей схватке, хотя понимал, что шансов у нас вообще нет... Насчитал восемнадцать человек, вооруженных мечами. Два арбалетчика. Много ли нам надо? Заберутся на «бастيون» – и все! Или спустят собак. А сопротивляться не сможем, выдохлись... Зря только камни таскали...

От стражников отделилась фигура коренастого мужчины в кирасе:

– Эй, каторжники! Сдадитесь добровольно, будете жить!

– А дальше что? – спросил Жан, приподнявшись на локтях.

Я едва успел прижать его к земле, когда арбалетный болт чиркнул по волосам щипача и впился в ствол дерева.

– Спасибо, – выдохнул вор, ощупывая голову.

– Не за что, – хмыкнул я, вспоминая, что сам-то не успел поблагодарить Жана, когда он спас мне жизнь. Зато теперь мы квиты, а я не люблю быть кому-то обязанным.

Было слышно, как старший охранник распекает арбалетчика, грозя ему всеми карами небесными, самым мягким из которых будет отрывание головы, а самым жестоким – штраф в двадцать талеров. Я, между тем, принялся раскачивать болт, вытаскивая его из сосны. Все же металл не каленый, потому удалось вытянуть его наружу, словно проржавелый гвоздь. Получив хоть что-то, напоминающее оружие, прибодрился. Конечно, меч был бы лучше. Впрочем, будь у меня меч, шансов против восемнадцати человек и четырех собак все равно не было. Но хотя бы одного-двух я с собой ухвачу...

– Каторжники! – не унимался старший охранник. – Именем графа фон Флика клянусь, что все останутся живы. Обещаю, что никто не будет выпорот, кроме главного зачинщика, которого вы укажете. Но за бунт и убийство стражи вы останетесь в руднике навечно, без зачетов и поблажек. Не сдадитесь – спускаю собак! Выбирайте...

– А что господин Торман скажет?

– Я, Герман фон Шлюффендорф, вассал графа и управитель его земли, – надменно прокотал старший охранник. – Мне плевать, что скажет какой-то мастер... Я говорю от имени властителя земли. Клянусь гербом, что вы останетесь живы!

Вот тебе и на! Рыцарь – ловец беглых каторжников? Герба бы постыдился. А ведь еще с десятков лет назад любой дворянин погнушался бы пожать руку тюремщику. Или фон Шлюффендорф считает иначе?

– Надо сдаваться, – вдруг заявил Жан-щипач.

– Ты ему веришь? – удивился я. – Слово рыцаря, данное каторжникам – ничто! Сходит, покается, индульгенцию купит. А то и каяться не будет. Он поклялся, что нас не убьет и не выпорет. А если на «кобылу» посадят, то клятву не нарушит, и живыми надолго не останемся.

– Не в этом дело... – усмехнулся Жан. – Верю – не верю... Я не невеста, чтобы на ромашках гадать. Выбора у нас нет. Что так убьют, что – эдак. А тут какой-никакой шанс.

– Дратся нечем, – тоскливо протянул Бальзамо, примериваясь к камню, но тут же уронил – тяжело...

– Парни, – хмыкнул я, готовый к самому худшему. – Давайте уж смерть примем, как люди. По мне – лучше в драке умереть.

– Не будут нас убивать, – уверенно заявил Вальрас и, внимательно посмотрев на нас, пояснил: – Невыгодно! Мы еще талеры не отработали, что Флик нашим прежним тюремщикам заплатил. Сколько сегодня народа перебили? Человек пятьдесят, если не больше. Кто серебро добывать будет?

В этих словах был резон. Удивило, что их произнес Вальрас, казавшийся тупым взломщиком. Кажется, парни намерены сдать. Жаль... Я еще раз осмотрел гнутый арбалетный болт, примериваясь – смогу ли пробить им сердце. Воткнуть – точно не смогу. А если вогнать в землю, а потом упасть на него сверху? Не то! А если так?

Как сумел, выпрямил стрелу, приставил ее острием к горлу, выискивая глазами твердое местечко, куда бы упасть и – едва не задохнулся от затрешины...

– Извини, – буркнул Жан, тряся ушибленной ладонью. – Ты что это удумал?

– На тот свет, наемник, всегда успеем! – вырвал стрелу Вальрас. – Дай-ка мне.

– Ладно... – отозвался я, потирая щеку. – Я понял...

Оплеуха получилась звонкой, но зато привела меня в чувство.

– В общем, так... – заявил Жан-щипач, выбирая соринку из заслезившегося глаза, – мы сдадимся, а ты останешься тут.

– Да ты что?! – возмутился я.

– Да так, ничего... – улыбнулся щипач и назидательно, словно ребенку, объяснил: – Слушай, наемник! Мы сейчас выйдем, а ты где-нибудь спрячешься и отсидишься. Ну, мы поможем спрятаться. Потом, когда все утрясется, вернешься за нами и освободишь. Понял?

– Жан, что ты такое говоришь? – попытался я уговорить щипача. – Как я вернусь, куда вернусь? А если и вернусь – когда это будет?

– Может, через месяц. Может – через год. Как получится... – философски сказал Жан и сделал заключение: – Но ты должен придти за нами! Поклянись, что вернешься и спасешь! Клянисься?

– Клянусь, что вернусь и вызволю, – упавшим голосом сказал я и поспешно добавил: – Если жив останусь.

– Нет, – помотал головой Жан. – Поклянись, что останешься жив. Ты – обязан остаться в живых!

– Жан, глупости-то не говори, – буркнул Вальрас. – Откуда знать, останется он жить или нет? Все под Богом ходим....

– Э, я таких парней знаю, – усмехнулся щипач. – Если они что-то пообещают, умрут, но сделают. А не сделают – придут с того света. А нам, вроде бы, кроме как на наемника, рассчитывать не на кого! Слово наемника?

– Клянусь. Только...

– Без «только», – поспешно остановил меня щипач. – Все, ты поклялся... Слово наемника!

– Да я... – начал было что-то объяснять, но не договорил.

– Вальрас! – негромко позвал Жан, и в моей голове что-то взорвалось, будто там подожгли «черный порошок»...

* * *

Не встать, не сесть, не повернуться. Руки прижаты к туловищу, ноздри и рот забиты землей...

«Замуровали! Заживо погребли! Сдали, сволочи...»

Запаниковав, я дернулся и стукнулся головой обо что-то твердое... От боли и испуга чуть не заорал. Ладно, что вовремя прикусил язык.

– Больше никого! – донесся голос, звучащий, будто сквозь вату. Потом по мне кто-то прошелся, наступив тяжелым башмаком.

Я сообразил: парни спрятали меня в какую-то яму, набросали веток и засыпали песком. Молодцы! Только – зачем по башке-то бить?

Нужно отдать должное Вальрасу – врезал качественно, но голова не болела! С таким умением парню не «медвежатником» быть, а идти в подручные к костоправу. Те, когда пилят руку или ногу, бьют деревянным молотом по башке. Вальрасу, как мастеру обезболивания – цены бы не было!

Жив буду, обязательно перейму. Вдруг пригодится? А по кумполу навернули – чтобы не брыкался и не играл в благородство. Сам бы на их месте так сделал...

«Но в морду Вальрасу все равно дам!» – пообещал сам себе.

Я лежал, стараясь не шевелиться и не дышать. Где-то сбоку были слышны голоса людей и почти беззвучная перебранка собак-убийц. Были бы охотничьи, унюхали бы через любые запахи...

– Всем строиться! Каторжников в голову колонны! – донесся властный голос фон Шлифендорфа.

Охотники за головами засвистели, отзывая собак. По мне опять кто-то прошелся, вдавливая брненное тело еще глубже, а потом звуки стали отдаляться, пока не прекратились. Ушли? На всякий случай решил не торопиться. Кто знает, может они встанут тут лагерем, чтобы не возвращаться на рудник на ночь глядя?

Не знаю, сколько времени я пролежал в норе, настороженно прислушиваясь к звукам. Решив, что можно вылезать, осторожно, ногами вперед, начал выбираться на волю, к чистому воздуху и ясному небу. По пути наружу, наткнулся на подарок – арбалетный болт, всунутый за голенище башмака. У каторжников его все равно бы отобрали, а мне, какое-никакое оружие.

Парни постарались на совесть: подкопали сосну, засунули меня под корень (об него я и стукнулся), завалили песком – не просто присыпали, а утрамбовали. Потому пришлось повозиться, прежде чем удалось попасть на волю. Но выкарабкался. Из могилы выкапываться было бы труднее...

Выплевал песок, набившийся до самого брюха, привалился к сосне. Что делать? Куда идти? Возвращаться в Ульбург? Видимо, начинать нужно оттуда... Потребовать долги, забрать доспехи и Гневко. Дорогу, по которой нас везли на рудник, я запомнил. Привычка. Что-то, возможно и упустил, пока был без сознания, но найду.

Стоило бы подождать до утра, а не переться на ночь глядя – с рассветом легче рассмотреть тропки, не спутать человеческую дорожку с кабаньей, не забраться в капкан, волчью яму или болото. Ну, с другой стороны, по лесу можно ходить и ночью. Полной темноты никогда и нигде не бывает.

Итак, я двинулся в путь... Хожение по незнакомому лесу – не самое сильное мое место. За двадцать лет службы воевать среди деревьев приходилось не раз и, даже не два, но самому искать дорогу не было необходимости. Всегда был начальник, который отмечал путь на карте и говорил: «Выйти из бурга Анхельм, перейти вброд Болотное вязло, оставить слева город Думмкопф и выйти к Синему морю к двум часам по полудню...» По карте, да по солнышку, заблудится только дурак. В крайнем случае, брали проводника. Плутать без четкого плана – нет, не доводилось. Удирать, да. Но как-то обошлось.

Первой подсказкой, что иду правильно, стала полянка. Да, под этим корявым деревом решил остаться один из парней. Как там его – Курт? Или Куртом звали того, что подвернул ногу в каменной россыпи? Слишком много людей встретил за последнее время, чтобы запомнить имена... Вот оно, дерево, а прямо под ним парень. Точнее – останки, над которыми «трудились», не покладая челюстей, пара молодых волков. Еды им хватало, но появление постороннего восприняли ревниво – оторвались от трапезы и зарычали. Связываться с волками у меня не хватило ни желания, ни смелости, а арбалетный болт против двух здоровых хищников не годился. Будь я при настоящем оружии, то, конечно же, разогнал бы падальщиков и похоронил парня... Теперь же – бочком, бочком, в колючий кустарник и крапиву. И, только отойдя от полянки ярдов с сотню, перевел дух, утирая холодный пот. А кто-то уверял, что волков в горах давно нет?

Пройдя еще милю, нашел второго отставшего, до которого пока не добрались ни птицы, ни волки. Без малейших угрызений совести я раздел парня донага. Ему уже не понадобится ни куртка, ни старое нижнее белье, а мне оно может послужить хотя бы подстилкой. В кармане обнаружилось богатство – половина луковицы и не до конца догрызенный сухарь. Обрадовавшись, пообещал похоронить парня сразу, как только смогу.

Едва дотерпел до небольшого ручейка, протекавшего в камнях, а там стал ломать сухарик на крошки, закусывая кусочками лука, запивая каждый «прием» глотком воды. Обманув голод, почувствовал себя лучше и двинулся вперед.

К рассвету отыскал удачное лежбище между камней, улегся, но спать не мог. Как же я так опростоволосился? Во-первых, не сумел подготовить мятеж. Не выяснил толком – сколько охраны. Во-вторых, не узнал – куда идти, понадеявшись на других. Ну, было там еще и, в-третьих, и, в четвертых. Впрочем, резюмируя, повторил, что спешка бывает хороша только в деликатных обстоятельствах, а экспромт нужно долго и тщательно готовить...

Но все же, все же, все же... Время от времени я возвращался к самобичеванию. Кретин! Зачем так спешил?

Подумав, осознал, что причиной всему были серебряные прииски – пещера, подземелье или каменный мешок – как уж будет угодно обозвать. Весь день работы на руднике я чувствовал, как на меня давят эти своды и стены. Фобия, мать ее так и разэтак, через двух жеребцов и пьяного драбанта! Эх, повидать бы мне сейчас брата Инспектора нашего университета, сунувшего меня в камеру с опускавшимся потолком!

По старой привычке определил задачи, вычленив главные и первостепенные. Итак, задача первая – раздобыть теплую одежду, еду, а потом хоть какое-нибудь оружие. Вторая – отомстить господину Лабстерману и городу Ульбургу. Если город избрал себе в первые бургомистры предателя, значит – виновен весь город. Но! Прежде чем мстить, нужно вызволить с каторги тех, кто ждет моей помощи. Если, разумеется, они живы...

... Первые два дня я описывал круги вокруг рудника, пытаюсь найти хоть что-то, что помогло бы выжить. У меня даже хватило смелости забраться в поселок рудокопов. Увы, ничем разжиться не удалось. Зато стало понятно, почему в городке такая тишина и никто не вышел поглазеть на наш поезд. Женщин и детей не было. Не удалось узреть ни кабака, ни шлюх, неизменных спутников более-менее постоянных поселений. Теперь тут жили только охранники.

Наверное, сюда нанимались лишь для того, чтобы подзаработать денег. Ну, а еще разбогатеть. Ни за что не поверю, что оно шло только на монетный двор господина Флика, не оседая по дороге в десятках карманов!

В пустых домах, брошенных жителями, не было ни-че-го! Вытащено и вывезено всё, до последнего гвоздя. Не удалось найти ни горсточку соли (с нею и кора за милую душу...), ни старого куса железа. Даже двери и рамы были сняты. От домов оставались только камень и внутренние перекрытия, от которых мне было мало проку. Когда сделал попытку приблизиться к домам охраны, обнаружил, что около них устроился караульный с собакой. Стало быть, охраняют не только каторжников. Скорее всего, в одном из домов хранится запас добытого серебра...

С каждым днем голод становился сильнее. Обидно, но среди камней не удалось обнаружить ничего пригодного в пищу. Была надежда найти какого-нибудь пастуха и попросить его поделиться хлебом и сыром. Описав дугу миль в пять, не нашел даже намека на стадо. Пара сараев для овец, с провалившимися крышами да каменная хижина, совсем без крыши. И, снова – ничего.

Зато обнаружилось кое-что из съедобных растений. Жухлые, прихваченные первыми заморозками, но вполне съедобные! Жаль, но большинство из них годились в пищу только в вареном виде – сожрешь какой корешок сырым – и все...

Как ни старался, но высечь огонь с помощью кремня и арбалетного болта не удалось. Раньше, как-то не задумывался о таких мелочах, как плошка, миска или хотя бы котелок. Если их нет, отправился бы на рынок и купил, или отобрал. А тут...

Возможно, скоро бы загнулся от голода или пошел сдаваться охране, но на четвертый (или уже пятый?) день я встретил старого нищего. Нищий, увидев грязного и лохматого оборванца, залитого кровью, от испуга лишился дара речи. Еще бы! Увидеть мою рожу не пожелал бы и врагу. Она и раньше не отличалась дружелюбием, а теперь... Когда я попытался заговорить, старик проблеял что-то нечленораздельное, бросил в меня костылем и, развернувшись, поскакал прочь как заяц.

Нагнав нищего в два прыжка, толкнул его в поясницу, а когда тот упал, в запале погони пнул в бок. Бродяга захрипел, тело дернулось и ослабло. Поторопился! Да и удары надо бы рассчитывать. Вложил, понимаете ли, всю злость в неповинного старикана...

Снял с еще теплого тела старые, но крепкие штаны и парусиновую куртку, подбитую кроличьим мехом. Но, главное – нищенская сума оказалась набита корками, сухарями, а на дне лежала сухая рыба. Пожалуй, не променял бы суму на все серебро Флика!

Уговорив себя есть по чуть-чуть, по крошечке, умял три корки и заел сухарем. Прислушался к себе, сходил на родник, напился. Вроде – ничего.

Вместе с насыщением пришли угрызения совести. Чтобы хоть как-то загладить вину, завалил тело старика камнями, прочитал над могилой единственную молитву, которую знал и попросил у убитого прощения, искренне надеясь, что ТАМ ему будет лучше, нежели тут, и за свои мучения он заслужил рай. Ну, а еще я думал, что скоро смогу лично попросить прощения у старика. Ежели, конечно, на ТОМ свете мне не будет уготовано отправиться в другое место.

В сумке у старика обнаружились полезные вещи. Например, короткий нож. Непонятно, когда его точили в последний раз, но это поправимо. С длиной лезвия я поделаться ничего не мог. Однако даже короткий клинок лучше, чем никакого! Были еще медный котелок и огниво.

Наконец-то я сделал то, о чем давно мечтал – развел небольшой костерок, постаравшись укрыть его со всех сторон камнями, а сверху ветками, чтобы дыма не было видно. Пока грелась вода, приводил в порядок нож, силясь довести до ума режущую кромку.

Котелок оказался мал, вымыться удалось в два приема. И хотя между первым и вторым пришлось постучать зубами от холода, но – удалось. Для полного счастья стоило бы побрить физиономию и голову, постирать тряпки. После краткого раздумья решил – бриться не стану.

Скоро холода, моя отросшая шевелюра и борода могут еще пригодиться, а вот постираться можно.

Стирать белье и одежду в ручье было не впервой, но никогда не доводилось отстирывать столько крови и грязи!

Пока одежда подсыхала в лучах нежаркого осеннего солнца, занялся поиском трав! Травник из меня хреновый, но кое-что знал. Удалось разыскать несколько нужных травок и наскрести с камней мха. Больше бы подошел длинный мох, что встречается на болотах, но сгодится и такой.

Самую важную «травку», ее и искать не пришлось – лопухи не растут только на голой скале и в снегу! А годится и в пищу и для лечения.

Подкрепившись «супчиком» из корней лопуха, порадовавшись, что сыт, занялся врачеванием. Перво-наперво сварил в котелке мох, остудил «бульон» и промыл все болячки. Потом, превратив котелок в ступку, растер листочки лопуха в кашицу и щедро замазал ею все ссадины и потертости, причиненные камнями и кандалами и незажившие до сих пор раны. Ну, а теперь можно забраться в свою нору и поспать.

Ночи стали холодными, но меня это уже не пугало. Швабсония – это не древлянские княжества, где снег лежит почти круглый год! Тряпок хватало, а вместо крыши я наложил плоских камней. Можно развести костерок, вскипятить горячей воды и вдоволь напиться. И еще у меня была еда.

... Ночью пришел нищий. Старик был в нательном белье, сквозь которое просматривалось изможденное тело. Сев у костра, протянул к огню костлявые руки и сказал:

– Мне холодно. Верни куртку.

– Прости, старик. Я не хотел тебя убивать, – беззвучно ответил я и попытался осенить себя крестным знаменем. Но рука будто налилась свинцом...

– Верни мою куртку. Мне холодно, – повторил старик и, потянувшись за курткой, ухватив меня за руку холодной ладонью, но холод тут же сменился жаром...

Проснулся от боли: уголек из горевшего костерка «стрельнул» прямо на руку. Зашипев было, я понял, что рядом со мной кто-то есть. Открыв глаза, увидел, что неподалеку стоит и смотрит на меня молчаливая собака-убийца. Я стал осторожно приподниматься, но собака прыгнула раньше. На счастье, она слегка промахнулась, а я успел выхватить горящую головню и сунуть ее в морду зверюге. Запахло паленой шерстью, но пес, не подав голоса, отпрянул, а потом сделал новый прыжок, который я не успел отбить. Едва сумел закрыть горло левой рукой, нащупывая нож правой. Зверюга утробно урчала, пытаясь перекусить руку, а я лихорадочно бил ее ножом, пытаясь попасть в глаз... Собака издохла после пятого удара. Руку из пасти она так и не выпустила, и мне пришлось выбить зверюге зубы.

Рукав куртки оказался распорот, а сама рука выглядела так, будто ее рубили мечом. Но все же, могло быть и хуже. Главное – кость цела! А раны... Промыть настойкой мха? Смазать лопухом? А если бешеная? Не раздумывая больше, я зачерпнул из костра тлеющие угольки с горячей золой и высыпал на раны. Сознание не потерял, но едва удержался, чтобы не заорать...

Потом, поскуливая от боли и жалости к самому себе, обливаясь холодным потом и слезами, ждал, пока огоньки погаснут на ранах. Выдержал, не потерял сознание, хотя и надеялся на это. Икая от боли, дошел до ручейка, зачерпнул воды. Сунул остатки лопуха в котелок, поставил его на огонь и подкинул хвороста в догоравший костер.

Следующие два дня помню смутно. Из жара бросало в холод, озноб сменялся испариной. Зверски хотелось пить, но котелок был чересчур маленький. Как мог, экономил питье, стараясь

тянуть каждый глоток. Хорошо, что хватило ума заварить остатки лопухов. Теперь остывшее питье стало спасением. Добрести до ручья у меня просто не хватило бы сил.

К вечеру третьего дня стало лучше. Допил последние капли на дне котелка и заснул. Всю ночь спал спокойно, а проснувшись наутро, понял, что хочу есть. Стало быть – оклемался! Решил приготовить жаркое из собачатины, но поздно – пока я бредил, собаку уже кто-то съел, оставив мне кости и ошметки шкуры. Странно, что этот «кто-то» не добрался до меня самого.

Чтобы окончательно оклематься, мне понадобилось несколько дней. Пока лежал, меняя повязки из лопуха, думал, что делать дальше. Можно, конечно, довести до самого императора сведения о преступлениях на руднике. Скажем, явиться к его величеству и сообщить, что граф Флик не брезгует каторжным трудом и, мало того, отлавливает людей по всем землям. А вот в каком качестве явиться? Графу и принцу крови, в аудиенции не откажут. Но в этом случае, возникнут лишние вопросы и, скорее всего, меня задержат при дворе, а потом сдадут родственникам. Или, сделают заложником.

А станет ли император встречаться с наемником? Предположим, найдется у меня при дворе пара-тройка знакомых, способных представить императору наемника Артакса, не желающего получать дворянство империи. Хотя бы из любопытства, император меня примет, выслушает, кивнет и пообещает разобраться. Будет создана комиссия, в которую войдут сиятельные персоны. Только закончится все тратой пергаментов и заверениями, что приказ августейшей персоны выполнен и все виновники понесли наказание. Сомневаюсь даже, что эмиссары выедут на прииски. Что им там делать? Гораздо проще отправить курьера к графу Флику, который вернется в сопровождении увесистого мешка (нет, нет, не взятка, а так, образцы талеров, чеканенных на монетном дворе графа, которому император предоставил право монетной регалии...). Меня, в лучшем случае, прирежут, а в худшем – отправят обратно на рудник, под попечительство обер-берг-мастера.

Законные методы отпадают. Впрочем, я бы о них и не вспомнил, коли бы не лежал. Остаются обычные, незаконные. Какие? Такой вариант, как выйти одному против двухсот человек и победить в «честной» схватке я даже не рассматривал.

Смастерить лук и подстергать охранников по одному? Сделаю лук из тиса (видел пару кустов), надергаю ниток из белья, сплету шнурок. Наконечники выточу из собачьих костей. Если гнилые нитки не лопнут, кости будут острыми, а я схоронюсь в засаде, то одного-двух застрелю. После первых трупов организуют облаву...

Отравить? Идея хорошая, если всыпать яд в бочку с вином или пивом. А тех, кто не пьет, утопить в этой же бочке. Высыпать яд в колодец? Можно, если бухнуть мешка два... Яд хорошо засыпать в глухие колодцы, где-нибудь в пустыне, а нашенские грунтовые воды размоют яд за час-два.

Дольше всего я обдумывал план поджога. Собственно, вариант неплохой. Для начала – перестрелять из лука часовых и собак. Дальше – подпереть двери камнями и...

А вот после «и», начинаются сплошные вопросы. Как жечь каменные хижины, если сами по себе они гореть не будут? Значит, нужно искать хворост или сено, таскать все на собственном хребте, обкладывая хижины, высекать искру, раздувать пламя. За это время меня сто раз увидят и десять раз пристрелят.

Но, предположим, искомое найдено, меня не пристрелили и поджог удался... Где гарантия, что кому-то из охранников не удастся выбить дверь или вылезти через окно? А бодрствующая смена? Собаки?

Хочешь – не хочешь, а надо искать подмогу... Вздыхнув, я стал собирать манатки и двинулся в путь.

Глава четвертая

Беглец с телегой...

Вначале шел ночами, а днем отсыпался в придорожных канавах, стараясь укрыться и сделаться незаметным. Потом решил, что идти нужно быстрее, шел и днем и ночью.

Если появлялись группы всадников – прятался, а одиночные возки и телеги мне были не страшны. Да и крестьяне не видели опасности в старике, похожем на нищего, и не задевали меня.

Чем дальше я уходил от серебряного рудника, тем спокойней становилось на сердце. Вот и сейчас, определив, что за мной катит возок, где сидит не больше двух человек, не стал прятаться, а только прижался к обочине узкой дороги.

– Эй, нищелюб, куда путь держишь? – окликнул меня толстый благообразный пейзажник в чистеньком камзоле, державший в руках вожжи.

– В город, – отозвался я.

– Садись, старик, подвезем, – радушно предложил второй – точная копия первого, бывший за пассажира.

– Эх, спасибо сынки, спасибо! – суетливо поблагодарил я братьев, которые, если и были меня младше, то ненамного.... – Подвезете старика – век за вас буду Бога молить. Кхе-кхе... – зашелся я в старческом кашле.

Втиснувшись между корзинами с сонными курами и мешками, я облегченно вздохнул. Мои соседки недовольно закудахтали, но быстро успокоились.

– Есть хочешь, старый? – поинтересовался первый и, не дожидаясь ответа, кивнул своему седоку-копии: – Дай чё-нить, убогому, брат. Боги милостивы к тем, кто нищим и увечным подает!

Бормоча слова благодарности, я жадно вцепился зубами в краюху хлеба с сыром. Сухари закончились давно, и в последние дни я ел только то, что удавалось найти в придорожном лесочке – яблоки-дички, сморщенные ягоды и заячью капусту. А находить по осенней поре становилось все труднее и труднее...

– В город-то тебе зачем? В гости идешь? – поинтересовался второй. – Или так, просить за ради Христа?

Я только повел плечами – понимай, мол, как хочешь. Да и трудно сказать что-нибудь определенное, если не знаешь – в какой город едут братья. Для пейзажника город бывает только один, тот, что ближе. Это про дальние они будут говорить «Кольбург», «Эзельбург» и далее...

Насытившись, почувствовал, что не прочь бы подремать. Но что-то меня смутило. То ли – чрезмерное радушие братьев, то ли – почудилась усмешка, когда сказали «За ради Христа...»? Ладно, если надсмеются над старым нищим. Это нормально. Молодежь свысока смотрит на стариков, а домовитый пейзажник на нищего бродягу. И, еще – один из братьев сказал: «Боги милостивы»... Почему во множественном числе? Уж не язычники ли? Конечно, язычники бывают разными. Кто-то своему богу цветы дарит, а кто-то – сердца людей. Пока не знаешь, кто перед тобой, да каким они богам молятся, лучше спать вполглаза.

– Заснул? – вполголоса спросил тот брат, что был за возчика.

– Вроде бы... – отозвался второй.

– Ну, пусть спит себе, – решил первый и прикрикнул на лошадь: – Н-ну, пошла, кляча безмозглая!

Свой приказ братец сопровождал ударом бича. Зачем, спрашивается? Видит же, что конь устал, так чего его бить? Ну, пойдет быстрее, быстрее устанет, а потом раньше времени и помрет!

Коняга, хоть и нехотя, затрусила быстрее. Братья молчали, а я делал вид, что сплю.

– И куда мы с ним? – прервал молчание второй. – В город?

– Посмотрим... – неопределенно буркнул первый.

Сквозь прикрытые веки я чувствовал, как братья время от времени бросают на меня взгляды. Повозка проехала еще пару миль, а потом свернула на лесную дорожку и остановилась, въехав на небольшую полянку.

– Эй, старый! – потрогал меня за плечо один из братьев. – Вставай, приехали.

– Так ведь, города-то здесь нет... – деланно зевнул я, старательно трясая головой и озираясь по сторонам. – Вы куда старика привезли?

– А зачем тебе город? – хохотнул второй брат, деловито вытаскивая моток веревки. – Посидишь тут немножко, нас подождешь. Мы муку да курочек продадим – назад вернемся. Не бойся, к вечеру на месте будем. Давай, – обернулся он к брату, – руки придержи...

Я ударил братца ногами в грудь. Для второго, поспешившего на помощь, очень кстати пришлось корзинка с курами. Надеюсь, куры не пострадали...

Птицы с перепуганным кудахтаньем разлетелись по поляне, но, быстро успокоились и стали выискивать корм. Осмотрев одежду братьев, «позаимствовал» у одного камзол. Штаны оставил свои. (Ну, не совсем, мои – снятые с нищего.) Хотел взять чулки, но чистых у них не было, а те, что на ногах, пахли не очень хорошо... Пожалуй, запахи в бараке были лучше. А вот башмаки пришлось в пору. Конечно, одежда сшита не на мою фигуру, но – сойдет.

Братья, привязанные к березе, очухались и угрюмо наблюдали, как я обыскиваю телегу. То есть раскидываю в разные стороны корзины с курами и мешки с мукой. Из оружия нашел только пару ножей с короткими клинками. Братишки следовали императорскому запрету носить оружие длиннее полдюжины дюймов (понятное дело, что запрет касался лишь пейза!). Под рогожей, на самом дне, обнаружил небольшой серп, выточенный из странного, слегка прозрачного камня, фиолетового оттенка. Я не очень силен в минералогии, но камень напомнил аметист. Пожалуй, штука-то не из дешевых. И где пейзажи такие сокровища разыскивают? Неужто хранятся от дедов-прадедов? Но тут даже не прадедами пахнет, а пра-пра-пра... и так далее...

– Стало быть, в жертву меня решили принести? – поинтересовался я, демонстрируя находку. – Кому? Будете молчать? Ладненько, тогда я буду вас пытаться...

По большому-то счету, мне было все равно – на чей алтарь меня хотели положить. Но узнать – дело принципа! И, хотя братики молчали, я знал – расскажут, как миленькие. Только, судя по напрягшемуся виду, бивали парней часто, обычные удары не действуют, а на пытки не было времени...

– Славная пшеничка уродилась... – доброжелательно сказал я, вспарывая серпом один из мешков. – Видите, дорогие мои, я вашим серпом жертву приношу. Матушке Природе отдаю то, что вы у нее забрали!

Мука потекла на сырую от вчерашнего дождя, землю создавая на пожухлой траве бело-снежный холмик. Распорол еще один мешок. Посмотрев на страдальческие физиономии братьев, принялся утаптывать муку, старательно вминая ее в грязь:

– Каким богам вы меня собирались отдать? Чернобогу? Тору?

Полянка стала выглядеть так, будто ее занесли снегом. Жаль, что впитывая влагу, мука быстро темнела. Братья посматривали исподлобья, с ненавистью, но – молчали. Ладно, пойдем другим путем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.